

На правах рукописи

ТЕТЕНЬКИН Алексей Владимирович

СРЕДНИЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ – МЕЗОЛИТ СЕВЕРНОГО ПРИБАЙКАЛЬЯ

Специальность 5.6.3. Археология

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Барнаул – 2022

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Иркутский государственный технический университет»
на кафедре истории и философии

Научный консультант – доктор исторических наук, профессор **Харинский Артур Викторович**

Официальные оппоненты:

Вострецов Юрий Евгеньевич, доктор исторических наук, ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук», отдел археологии, ведущий научный сотрудник

Колпаков Евгений Михайлович, доктор исторических наук, ФГБУН «Институт истории материальной культуры Российской академии наук», отдел палеолита, ведущий научный сотрудник

Константинов Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», кафедра истории, профессор

Ведущая организация ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», лаборатория археологии Енисейской Сибири

Защита состоится 2 июня 2022 г. в 10:00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.269.01 при ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» по адресу: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина 61, ауд. 416

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», http://www.asu.ru/science/dissert/hist_diss/

Автореферат разослан «___» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Горбунов Вадим Владимирович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность работы. Регулярное археологическое изучение Северного Прибайкалья ведется уже в течение более 40 лет. Как этап обобщения полученных результатов итоговая работа давно уже стала насущной задачей. Она должна иметь характер культурно-хронологической схемы, организующей в единую модель имеющиеся частные знания, определяющей основные достигнутые культурно-хронологические позиции и очерчивающей основные проблемы ведущегося научного исследования. Особенностью изучения Северного Прибайкалья является его исследование преимущественно археологическими отрядами иркутских научных подразделений, что, в значительной мере, обусловило единство применяемых методов полевой и теоретической археологии, языка описания, корреляции знаний и объектов. Другой особенностью Северного Прибайкалья являются относительно независимые исследования четырех основных районов – северного побережья озера Байкал, севера Верхней Лены, Нижнего Витима и Верхнего Витима на протяжении долгого времени. Лишь археология двух последних районов имела примеры общих координирующих работ (Аксенов и др., 2000; Ветров и др., 2000; Демонтерова и др., 2014; Тетенькин и др., 2018; Ветров, Инешин, 2019). Преодоление разноплановости, разнохарактерности, различного уровня имеющихся представлений о палеолите и мезолите четырех районов является причиной назревшей актуальности, предлагаемой в диссертации обобщающей работы. Будучи частью Байкальской Сибири, все четыре района Северного Прибайкалья сегодня имеют одну общую «северную» специфику удаленности от основной инфраструктуры региона, развитой на юге. Это обстоятельство обусловило общие трудности научного освоения: меньший размах и прерываемость работ, труднодоступность. С другой стороны, их объединяет северная ландшафтно-климатическая специфика горно-таежных условий, имеющих общую тенденцию развития в позднем кайнозое, общая речная сеть Лены – Витима, оконтуривающая северную часть Байкала, обеспечивавшая в древности возможности коммуникации населения. Насущной задачей, определяющей актуальность диссертации, является выработка единой для Северного Прибайкалья культурно-хронологической схемы, организующей накопленные в предшествующие годы научные знания.

Цель работы – разработать региональную культурно-историческую интерпретационную модель развития населения Северного Прибайкалья эпохи среднего верхнего палеолита – мезолита. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

1) Провести обобщение накопленного археологического материала, связанного с изучением четырех районов, слагающих Северное Прибайкалье: северного побережья Байкала, севера верхней Лены, Нижнего Витима и Верхнего Витима;

2) Раскрыть хронологическую и локальную специфику археологических объектов Северного Прибайкалья;

3) Провести корреляцию ансамблей каменной индустрии четырех районов между собой на предмет общности, либо неоднородности протекавших в них в различные хронологические периоды культурных процессов, определения общей специфики развития культуры населения Северного Прибайкалья;

4) Провести корреляцию с археологическими комплексами, хронологически и территориально смежными с ансамблями среднего верхнего палеолита – мезолита Северного Прибайкалья с целью отработки аспектов: а) Обозначить погранично-периферийные особенности археологических культур Северного Прибайкалья в сравнении с соседними регионами – Южным Прибайкальем, Забайкальем и Якутией. б) Показать внутреннее своеобразие культурных процессов, присущих Северному Прибайкалью;

5) Провести ревизию радиоуглеродной и относительной хронологии археологических местонахождений финального плейстоцена – раннего голоцена Северного Прибайкалья и на этой основе заложить хронологическую периодизацию среднего позднего палеолита – мезолита региона;

б) Разработать культурно-хронологическую схему среднего верхнего палеолита – мезолита Северного Прибайкалья.

Объектом исследования являются геоархеологические местонахождения, содержащие культурные остатки периода среднего верхнего палеолита – мезолита, ок. 27–7 тыс. лет назад.

Предметом диссертационной работы являются культурные процессы, протекавшие на территории Северного Прибайкалья в период среднего верхнего палеолита – мезолита, в хронологических рамках сартанского криохрона (MIS-2) – раннего голоцена, 27–7 тыс. календарн. л.н.

Территориальные рамки. В географическом отношении Прибайкалье является горной областью, прилегающей с запада и востока к озеру Байкал (БСЭ, Т. 20, с. 548). Оно располагается в центре Евразийского континента и является составной частью Байкальского региона, включающего в себя Иркутскую область, Республику Бурятия, Забайкальский край и северные аймаки Монголии, расположенные в бассейне р. Селенга, впадающей в оз. Байкал. Составной частью Прибайкалья является территория Северного Прибайкалья.

Мы используем термин «Северное Прибайкалье» при выделении региона, включающего северную часть побережья Байкала, Привитимье, север Верхнего Приленья. Географические границы территории, исследуемой в данной работе, заданы контуром рек, обрамляющих северную часть озера Байкал: реками Лена (северная часть верхней Лены от г. Усть-Кута, с притоком – р. Киренгой) и Витим (рис. 1). Они формируют общий речной контур Северного Прибайкалья. Реки, их долины, байкальские берега выступали в роли естественных коридоров для культурной трансляции. Прилегающие к ним орографические районы – это Лено-Ангарское и Приленское плато, к северо-востоку от них – Байкало-Патомское нагорье, к югу – юго-востоку от Байкало-Патомского нагорья – отроги Станового нагорья хребты Делюн-Уранский, Кодар, Северо-Муйский, Южно-Муйский. Горная цепь северо-восточной части Прибайкалья прервана Верхнеангарской, Муйско-Куандинской и Чарской котловинами – северо-восточной частью Байкальской рифтовой зоны. Муйская котловина обрамлена Северо-Муйским и Южно-Муйским хребтами. К югу от хребтов Станового нагорья – Южно-Муйского, Кодар, Каларского, Бабанты и Янкан расположено Витимское плоскогорье, в пределах которого начинается исток р. Витим. Собственно, чашу озера Байкал в северной части окаймляют Байкальский, Верхнеангарский и Баргузинский хребты. К последнему с юго-востока примыкает Баргузинская впадина. Горные массивы Северного Прибайкалья, будучи территориями развития ледников, в течение всего времени последнего оледенения – раннего послеледниковья определяли основные тенденции развития ландшафтов, климата, растительного и животного мира, т.е. условий существования древних человеческих коллективов.

Источниковую базу диссертации составляют более 40 археологических местонахождений, расположенных на северном побережье Байкала, в долинах севера верхней Лены, нижнего и среднего Витима, содержащих комплексы культурных остатков, датированных в интервале 27–7 тыс. календ. л.н. Ряд местонахождений имеет многослойный характер залегания археологического материала. На стоянке Большой Якорь I (Нижний Витим) выделен 21 культурный горизонт, на стоянке Коврижка IV – 16 культурных горизонтов, на стоянке Коврижка II – 6 культурных горизонтов, на Коврижке III – 4 культурных горизонта (Нижний Витим), на местонахождениях Усть-Каренга I–XVI – 8 культурных горизонтов, на стоянке Нижняя Джилинда (Сивакон)-I – 7 культурных горизонтов (Верхний Витим), на местонахождениях Курла I–IV – 5 докерамических горизонтов (Северный Байкал). В работе взяты, в целом, комплексы культурных остатков, относимые ко времени донеолита, т.е. палеолитического, мезолитического времени, а также, в связи с проблемой рубежа перехода к неолиту и появления керамики, памятники

раннего неолита. В частности, раннеолитические горизонты Усть-Каренги I-XVI, Коврижки I и IV, могильник Старый Витим II. Принимая во внимание многослойный характер ряда опорных памятников, используемые в работе источники насчитывают более 100 комплексов культурных остатков (культурных горизонтов) указанного возрастного интервала. Информативные возможности их неравномерны. Наибольшее количество комплексов культурных остатков выделено на Витиме. Опорными здесь являются Мамаканский и Усть-каренгский геоархеологические районы. По сумме предпринятых комплексных мультидисциплинарных исследований наиболее изученными являются местонахождения Большой Якорь I и Коврижка I-V на Витиме. Антропологические материалы представлены только погребением на Нижней Джилинде (Сивакон) на Витиме, Предметы искусства найдены на стоянках Курла I-III, Коврижка II, IV. Период среднего верхнего палеолита включает только местонахождения Алексеевск на Севере Верхней Лены и Мамакан VI на Нижнем Витиме. Наибольшее представительство имеют периоды финала плейстоцена – начала голоцена, 15–8 тыс. л.н. В различных задачах культурно-типологической, хозяйственной оценки ансамблей Северного Прибайкалья привлекались опубликованные материалы сопредельных районов Прибайкалья (памятники Туяна, Сосновый Бор, Красный Яр, Верхоленская Гора, Макарово II и др.), Забайкалья (Усть-Кяхта 1-17, Студеное I-II, Усть-Менза I-II, Косая Шивера, Сухотино IV, Красная Горка), Якутии (пещера Хайергас, Дюктайская пещера, Усть-Тимптон I, Сумнагин, Белькачи и др.), Дальнего Востока (Ушки I-VII), Аляски (Сван Пойнт и др.).

В диссертации использовались опубликованные результаты исследований А.П. Окладникова (Окладников, 1953), Ю.А. Мочанова (Мочанов, 1969, 1975, 1977, 2007), В.М. Ветрова (Ветров, 1986а, 1986б, 1990, 1992, 1995, 1997, 2000, 2002, 2003, 2006а, 2006б, 2007, 2008а, 2008б, 2010, 2011а, 2011б; Ветров, Задонин, Инешин, 1993 и др.), Е.М. Инешина (Инешин, 1993, 1995; Инешин, Ревенко, Секерин, 1998 и др.), О.В. Задонина (Задонин, 1990, 1992, 1996 и др.), П.Е. Шмыгуна (Шмыгун, 1978а, 1978б, 1981; Шмыгун, Ендрихинский, 1978; Шмыгун, Сизиков, 1977; Шмыгун, Филиппов, 1980, 1982), Т.А. Абдулова (Абдулов, 1992), Л.С. Хлобыстина (Хлобыстин, 1965, 1998), А.В. Инёшина (Инёшин и др., 1991, 2019), А.В. Краснощекова (Краснощекоев, 2001, 2002, 2009). В исследовании ряда местонахождений автор принимал участие совместно с Е.М. Инешиним, В.М. Ветровым, О.В. Задониным, Д.Е. Кичигиным (Алексеевск I, Большой Якорь I, Мамакан VI, Инвалидный III, Балтаханова V, Усть-Каренга XVI). Исследования группы стоянок Коврижка I-V (с 1995 г. по наст. время), Павлова I, Нирякан (палеолитический комплекс) проведены автором самостоятельно.

Подходы и методы исследования. Ведущим императивом работы соискателя с археологическими объектами выступает стремление к формированию комплексного методического подхода с целью максимально полного раскрытия информационных возможностей исследуемых памятников. В изучении ландшафтов археологических местонахождений использовались методы геоморфологии, стратиграфии, методы реконструкции динамики формирования рельефа, радиоуглеродного датирования. Используются результаты исследований В.М. Белоусова, С.Г. Аржанникова, Е.М. Инешина, К.Г. Леви, А.Г. Золотарева, Е.И. Тищенко, А.С. Ендрихинского, Н.А. Логачева, В.Д. Маца, Г.Ф. Уфимцева, М.М. Мандельбаума, М. Марголда и других (Белоусов, Инешин, Бураков и др., 1990; Белоусов и др., 2002; Arzhannikov et al., 2018; Ендрихинский, 1981, 1982; Золотарев, 1974а, 1974б, 1982; Логачев, 1974, 2003; Мац, Уфимцев, Мандельбаум, 2001; Тищенко, 1982; Levi et al., 1998; Margold et al., 2016, 2018). Характер биоландшафтов реконструировался методами палеонтологии, антракологии, споропыльцевого анализа. Это работы Иваньева, А.М. Клементьева, Н.В. Мартыновича, Ф.И. Хензыхеновой, М.С. Губина, А. Анри, Е.В. Безруковой и др. (Анри и др., 2018; Безрукова и др., 2005, 2009, 2011, 2014, 2018; Губин, Инешин, 1990; Bezrukova et al., 2010, 2011, 2016; Krivonogov et al., 2004; Инешин и др., 2004).

В изучении комплексов археологических остатков на местонахождениях применялись стратиграфический и планиграфический методы. В задаче характеристики режима осадконакопления, в частности, на местонахождении Коврижка IV, применялся гранулометрический метод. В задачах датирования археологических комплексов применялись методы стратиграфический, радиоуглеродный, морфо-типологический. В задачах характеристики ансамблей каменных культурных остатков применялись методы морфо- и технико-типологический, аппликационный, трассологический, количественный, экспериментальный. В задаче минерального и геохимического определения сырья использовались петрографический, рентгено-структурный, рентгенофазовый методы, К-Аг метод датирования вулканической пемзы (Е.И. Демонтерова, А.В. Иванов, Е.В. Канева, Г.В. Пашкова, В.Е. Загорский, Ж. Жакье, Э. Говри Ру, Г.Н. Поплевко, А.А. Уланов). Помимо артефактов из состава дебитаж на ряде памятников исследованию подверглись охра, пигментные вещества, черный алеврит, керамика. В задаче изучения температуры нагрева камней огнем применен археомагнитный метод (К.С. Бураков, И.Е. Начасова, Н.В. Сальная). В задаче реконструкции охотничьего промысла и пищевого потребления использовались палеонтологические методы (А.М. Клементьев и др.), нашедшие отражение в публикациях (Инешин, Тетенькин, 1998, 2006, 2010, 2011; Белоусов и др., 2002; Инешин и др., 2004; Инешин, Клементьев, Тетенькин, 2005; Демонтерова и др., 2014; Анри,

Тетенькин, 2014; Тетенькин, 2015, 2017а, 2017б, 2019; Тетенькин и др., 2016; Анри А. и др., 2018; Тетенькин, Анри, Клементьев, 2018; Тетенькин, Ветров, Демонтерова, и др., 2018; Тетенькин, Жмур, Демонтерова и др., 2018; Ineshin, Tetenkin, 1995, 2011, 2017; Tetenkin, Smith, Henry, 2016).

Начиная с открытия в 1941 г. А.П. Окладниковым Частинской палеолитической стоянки на р. Лене (Окладников, 1955), археология Северного Прибайкалья насчитывает более 70 лет. Раскопанные в разные годы памятники, естественно, характеризуются разной степенью изученности и разным набором методов, примененных в их исследовании. Наибольший комплекс методов был задействован в изучении стоянки Большой Якорь I, а затем ансамбля местонахождений Коврижка I-V на Нижнем Витиме (Инешин, Тетенькин, 2010; Тетенькин, 2010, 2016а; Тетенькин, Анри, Клементьев, 2018; Тетенькин, Ветров, Демонтерова, и др., 2018; Тетенькин, Жмур, Демонтерова и др., 2018; Анри и др., 2018). На основе оценки предела допустимости использовался метод экстраполяции, то есть переноса полученных при изучении опорных объектов представлений на регион и хронологический интервал в целом.

Комплексный характер исследований осуществлялся на основе формулирования археологом и постановки задач специалистам естественно-научных дисциплин, либо на основе освоения независимо полученных естественнонаучных исследований (Тетенькин, 2009б, с. 11). В обоих случаях научное движение осуществлялось в канве имеющихся онтологических представлений об археологическом объекте (Тетенькин, 2003а, 2003б, 2011б, 2012б, 2015а, 2020; Инешин, Тетенькин, 2003; 2010, с. 30–44). На формирование теоретических научных установок оказали влияние метанаучные логико-методологические разработки Московского методологического кружка во главе с А.А. Зиновьевым и Г.П. Щедровицким (Зиновьев, 2000; Щедровицкий, 1984, 1995, 2005), труды А.К. Байбурина (Байбурин, 1989), У. Эко (Эко, 1998) в области семиотики, П. Бурдьё, М. Саллинза, Б. Хайдена в социальной антропологии (Бурдьё, 1994; Саллинз, 1999), в рамках археологической науки – идеи Л.С. Клейна (Клейн, 1978, 1981, 1991), направлений процессуальной археологии (Binford, 1983; Schiffer, 1976, 1987; Jochim, 1981), экоархеологии (Butzer, 1985), культурной трансмиссии (Boyd, Richerson., 1985, 2005; Cavalli-Sforza, Feldman, 1981; Eerkins, Lipo, 2005, 2007; Richerson, Boyd, 2005; Hayden, 1995; Hayden, Eldridge M., Eldridge A., Cannon, 1985).

Задача построения культурно-хронологической схемы региона разбивается на задачи: 1) диахронного представления позиций археологического времени комплексами культурных остатков; 2) раскрытия содержания археологических комплексов как остатков деятельностных ситуаций, обеспеченных наборами культурных норм; 3) анализа их

подобия и оценки наличия, либо отсутствия культурно-генетических, хозяйственных и иных связей; 4) общего представления о диахронных протекавших культурных процессах в избранных хронологических и территориальных пределах.

Хронологические рамки исследования. Начиная с раннего сартана (раннего MIS 2) в регионе Северного Прибайкалья датируются первые археологические памятники (Алексеевск I, Мамакан VI) (Задонин, 1992, с. 21; Тетенькин, 2014, с. 24), обладающие комплексом информационной обеспеченности: стратиграфическими, планиграфическими, морфо-типологическими и статистическими позициями, позволяющими впервые удовлетворительно судить о культуре древнего населения. С этого периода культурно-хронологические схемы севера Верхней Лены, Нижнего Витима опираются на достаточно надежную, обеспеченную в вышеуказанных аспектах источниковую базу. В терминах археологической периодизации изучаемый хронологический интервал охвачен последовательностью: средний верхний палеолит – поздний верхний палеолит – финальный палеолит – мезолит. Верхняя возрастная граница условно пролегает ок. 8–7 тыс. календарн. л.н., того времени, когда в большинстве районов Средней и Восточной Сибири начинается неолит (Савельев, 1989; Савельев, Свинин, 1990, с. 117; Бердников, 2017, с. 226; Семина, Гребенщикова, 1993, с. 128; Константинов, Екимова, Верещагин, 2016, с. 48–50; Мочанов, 1977, с. 253). Общим признаком рассматриваемых в работе ансамблей севера Верхней Лены, Северного Байкала, Нижнего Витима является их докерамический, или в этом же смысле бескерамический характер. Уникальной особенностью Верхнего Витима является исключительно ранний возраст возникновения керамического производства, ок. 15–13 тыс. календарн. л.н. (Ветров, 1992, 1997, 2000, 2006а, 2007, 2008б, 2010, 2011).

Научные проблемы, в рамках которых было направлено археологическое изучение территорий Северного Прибайкалья, обусловлены как внутренним научным дискурсом – логикой развития научного процесса, так и предписаны проблемами, общими для позднего верхнего палеолита – мезолита Восточной Сибири:

1. Адаптация населения к окружающей среде. В том числе: культурный ответ на климатические изменения среды; эксплуатация био- и минеральных ресурсов; мобильность населения в транспортировке ресурсов; коммуникации с соседним населением; сезонная мобильность культуры как адаптационного механизма; поселенческая мобильность в выборе локальных ландшафтов обитания.

2. Появление и развитие мелкопластинчатой и микропластинчатой технологий расщепления камня. Развитие техники расщепления клиновидных-торцовых и призматических нуклеусов.

3. Вариабельность морфо-типологического облика каменных ансамблей, интерпретируемая в терминах культурно-типологических процессов, функционально-технологической вариабельности, культурной трансляции.

4. Существование традиции усть-каренгской керамики в сочетании с комплексом традиций каменного производства финальнопалеолитического – мезолитического облика открывает проблему появления неолита на севере Байкальской Сибири: во-первых, характера взаимоотношений усть-каренгского населения – носителей керамической традиции с населением соседних районов, не имевшим керамики, во-вторых, в целом, времени появления керамики в регионе и наступления неолита.

Употребление терминов «средний верхний палеолит», «поздний верхний палеолит», «мезолит», «неолит» принято в работе с целью размещения научных построений на макроархеологической шкале времени в соответствии с общепринятыми значениями слов (Мезолит СССР, 1989, с. 5; Неолит Северной Евразии, 1996, с. 6–9). В связи с этим, под «средним верхним палеолитом», или средним этапом верхнего палеолита принято значение хронологического интервала ок. 25–19 тыс. радиоуглеродн. л.н. / 27–20 тыс. календ. л.н., т.е. начала сартанского криохрона; время, представленное в Прибайкалье, прежде всего, классическими памятниками Мальта и Буреть (Абрамова, 1984, с. 315; Герасимов, 1931а, 1931б, 1935, 1958; Медведев и др., 2001, с. 46–83; Medvedev, 1998, p. 123; Окладников, 1941; Медведев, 1990, с. 18). Поздний верхний палеолит приходится на этапы средней части – окончания сартанского криохрона (MIS 2, стадии b-c-d), 22–13 тыс. календ. л.н. Финальный верхний палеолит приходится на этапы финального сартана – рубежа плейстоцена – голоцена (беллинг-аллеред – поздний дриас – бореал), 13–11,7 тыс. календ. л.н. (Стратиграфия ..., 1990, с. 19–20). Следующий затем мезолит заканчивается с наступлением ок. 8–7 тыс. л.н. керамики и неолита (Медведев, 1971б, с. 105; Бердников, Бердникова, 2018, с. 203).

Защищаемые положения. В качестве защищаемых положений выносятся следующие тезисы:

1. Средний верхний палеолит Северного Прибайкалья (стадия 1 – ранний сартан) представлен объектами Алексеевск на р. Лена, Мамакан VI на р. Витим. Возраст этапа – ок. 28–21 тыс. л.н.

2. Поздний верхний палеолит (стадия 2 – средний-поздний сартан). Возраст 21–12 тыс. л.н. Представлен на Севере Верхней Лены стоянками Балышово III, Чайка II, Вешний Ручей, на северном побережье оз. Байкал – стоянками Курла I–III – 3, 2, 1 докерамические к.г., на Нижнем Витиме – Коврижка IV, Авдеиха, Большой Якорь I, Коврижка III – 2-3 к.г., Коврижка II – 5 к.г., Коврижка IV – 2 к.г., Коврижка V – 2 к.г., Нирьякан – 2 к.г.; на Верхнем

Витиме – Усть-Каренга I-XVI – 8, 8а, 7 к.г. В это время складывается общий тип поздневерхнепалеолитической культуры Восточной Сибири, представленный в районах Северного Прибайкалья местными вариантами развития.

3. Финальный палеолит / мезолит (стадия 3 – ранний голоцен) представлен на Севере Верхней Лены стоянкой Любавская, на Северном Байкале – Курла IV – 2 и 3 к.г., на Нижнем Витиме – Коврижка II – 1–4А к.г., Коврижка III – 1–1А к.г., Инвалидный III Павлова, I, на Верхнем Витиме – Нижняя Джилинда (Сивакон)-I. Возраст – ок. 12–7 тыс. л.н. Ведущей новацией стало распространение техники массового производства микропластин с призматических нуклеусов, традиционно воспринимаемых как признак мезолит – неолитических культур.

4. Время появления керамики на Верхнем Витиме – ок. 15–13 тыс. л.н., на Нижнем Витиме и на Северном Байкале – ок. 8–7 тыс. л.н. В целом становление неолита как стадии каменного века в регионе – ок. 8,5–7 тыс. л.н.

5. В течение исследуемого периода происходили эпизодические контакты и культурная трансляция, связывающие население четырех районов Северного Прибайкалья друг с другом и с сопредельными территориями. а) Контакты забайкальского направления, связывали население нижнего Витима с верхним Витимом и Забайкальем в течение всех рассматриваемых этапов. б) Эпизод культурной общности Северного Байкала и Витима имел место ок. 16–13 тыс. л.н. (Курла I-III, 1-2 к.г. – Большой Якорь I). в) Связи населения Нижнего Витима и севера Верхней Лены существовали, начиная с 18,5 тыс. л.н. вплоть до 7 тыс. л.н. Керамическая инновация в виде стиля сетки-плетенки на Нижний Витим принесена с долины Лены.

Научная новизна. В результате проведенных в диссертационной работе исследований были проведены ревизия, корреляция и обобщение археологических комплексов финального плейстоцена – раннего голоцена четырех районов Северного Прибайкалья и на этой основе впервые предложена региональная схема среднего позднего палеолита – мезолита всего региона. Введены в научный оборот новые материалы, в том числе результаты раскопок и исследований автора. На основе примененного комплекса методов выстроены новые представления о хронологии, культурно-типологической принадлежности, палеоэкологии, культурных механизмах адаптации населения Северного Прибайкалья к природным условиям финала плейстоцена – раннего голоцена. В ходе работы автора над темой диссертации ряд результатов был достигнут впервые в масштабе Северного Прибайкалья. В частности, впервые открыты и изучены остатки палеолитических жилищ, найдена первая в палеолите Северо-Восточной Азии бивневая антропоморфная фигура, установлены эпизоды транспортировки минерального сырья на

расстояние более 500 км и коммуникационной связи между населением нижнего и верхнего Витима с дистанцией более 700 км. Предложенная в диссертации культурно-хронологическая схема носит характер анализа и осмысления нынешнего уровня донеолитических исследований в Северном Прибайкалье, тем самым содержит научную новизну.

Теоретическая и практическая ценность работы состоит в том, что она вносит вклад в изучение и характеристику культурных процессов как в целом по Сибири, так и в Северном Прибайкалье, в частности. Материалы диссертации могут быть включены в учебные курсы «Основы археологии» и «История археологических открытий» и другие спецкурсы и учебно-методические пособия для ВУЗов. Ряд археологических материалов музеефицирован в краеведческих музеях гг. Иркутска, Бодайбо. По результатам раскопок периодически выходят информационные выпуски в местных средствах массовой информации. На археологических памятниках Большой Якорь, Коврижка I-V, Чайка II и др. многократно проводились школьные археологические экскурсии и лагеря.

На этапе завершения диссертации исследования проводились в рамках гранта РФФИ «Адаптации охотников-собирателей в позднем плейстоцене к природным условиям тундры севера Байкальской Сибири» (№ 18-59-22003\18), в котором диссертант выступал руководителем.

Апробация результатов исследования проводилась на протяжении всего периода подготовки работы.

Основные положения и выводы диссертации изложены в 84 научных работах на русском и иностранных языках, в том числе в 26 статьях в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК и входящих в списки Scopus и Web of Sciences (Тетенькин, 2013; Тетенькин, 2016; Тетенькин, 2017а; Тетенькин, Анри, Клементьев, 2017; Тетенькин, 2018; Тетенькин, Ветров, Демонтерова, 2018; Тетенькин, Жмур, Демонтерова и др., 2018; Тетенькин, Демонтерова, Канева и др., 2020; Тетенькин, Демонтерова, Поплевко и др., 2021 и др.), 1 монографии (Инешин, Тетенькин, 2010; Ineshin, Tetenkin, 2017). Результаты исследований были представлены на всероссийских и международных симпозиумах и конференциях в Иркутске (2005, 2007, 2009, 2012, 2014, 2015, 2016, 2018, 2019), Старой Руссе (2011), Владивостоке (2013), Колледж Стэйшн, США (2006), Санта Фе, США (2013), Казани (2014), Улан-Удэ (2015, 2017, 2018), Красноярске (2016), Санкт-Петербурге (2016), Барнауле (2017), Ницце (2019), Пекине (2019), Самаре (2020). Результаты и материалы научных исследований диссертанта были представлены на лекциях в университетах г. Колледж-Стэйшн, Фэйрбэнкс и Анкоридж (США) (стажировка по программе фонда Фулбрайта в Техасском А&М Университете, США, 2013-2014 гг.).

Структура работы состоит из введения, пяти глав, структурированных в несколько разделов, заключения, списка источников, списка литературы, списка сокращений и двух приложений, включающих описание археологических местонахождений, таблицы и рисунки.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснованы цели и задачи работы, актуальность и научная значимость темы, хронологические и территориальные рамки, методология исследования.

В **Главе 1 «История археологических исследований верхнего палеолита и мезолита Северного Прибайкалья»** дается историографический обзор исследований. Первый палеолитический памятник, стоянка Частинская на Лене, – был открыт А.П. Окладниковым в 1941 году. Регулярные археологические исследования Северного Прибайкалья начаты с 1960-х годов. Исследованиями в разные годы занимались Т.А. Абдулов, В.М. Ветров, О.В. Задонин, Е.М. Инешин, В.В. Краснощеков, Ю.А. Мочанов, В.В. Свинин, А.В. Тетенькин, С.А. Федосеева, Л.П. Хлобыстин, П.Е. Шмыгун. Четыре района – Север Верхней Лены, Северный Байкал, Верхний Витим и Нижний Витим – исследовались обособленно друг от друга, двигаясь в направлении выработки районных культурно-хронологических схем. В.М. Ветровым для Верхнего Витима была разработана идея локальных культур-изолятов, приуроченных к замкнутым экологическим нишам (Ветров, 1992). Рассматривались идеи вхождения Нижнего Витима в Приленскую культурную область (Мочанов, 1977), контактной зоны влияния регионов Западного Прибайкалья, Забайкалья, Якутии (Тетенькин, 1999). Сквозные межрайонные археологические сюжеты возникали только в археологии Верхнего и Нижнего Витима. Задача создания единого научного дискурса для северного субрегиона Прибайкалья ставится впервые.

В **Главе 2 «Палеогеографическая характеристика Северного Прибайкалья»** рассматриваются современные представления о развитии оледенения в эпоху MIS 2, развитии климата и ландшафта в первой половине голоцена. Совокупная история развития ландшафта Северного Прибайкалья на современном этапе имеет комплексный характер и основывается на интеграции и интерполяции результатов: а) палинологического изучения донных озерных и торфянистых отложений, б) палеонтологических и в) антракологических исследований на основе радиоуглеродного датирования. Опорными объектами изучения озерных и торфянистых отложений являются озера Котокель, Баунт, Большое Иняптукское (Bezrukova et al., 2010, 2016; Безрукова и др., 2012, 2016; Решетова и др., 2013; Решетова, Безрукова, 2016). Опорными археологическими местонахождениями с палеонтологически

изученными фаунистическими остатками, дающими представление о ландшафтно-климатической обстановке начала и финала MIS 2, являются стоянки Алексеевск и Большой Якорь I (Задонин, 1996; Инешин, Тетенькин, 2010). Антракологические исследования углефицированных древесных остатков впервые в регионе были начаты на местонахождениях Коврижка III–IV (Анри, Тетенькин, 2014; Анри и др., 2018).

Горные массивы Байкало-Патомского, Станового нагорий, Витимского плоскогорья в сартанское время были территориями развития горно-долинных ледников, в одних случаях закрывавших значительные площади внутренних территорий нагорий, делавших их недоступными для эксплуатации древними людьми. Лишь временем окончания сартанского стадиала – временем позднего дриаса, ок. 13,5 – 13,0 тыс. л.н. датируются установленные эпизоды проникновения людей во внутренние районы горных массивов, более чем на 150 км удаленные вглубь от долины р. Витим. Это недавно открытая палеолитическая стоянка Нирыкан в среднем течении р. Мама и установленный эпизод приноса на стоянку Коврижка III вулканической пемзы с Удоканского вулканического поля (Демонтерова и др., 2014; Тетенькин, 2016). В других случаях ледники запирали реки, и в частности, Витим, что вело к затруднению стока, прорывам и фладам (катастрофическим паводкам) (Инешин, 2003; Margold, 2016, 2018). Это, несомненно, оказывало влияние на хозяйственные циклы древних людей. В третьей группе случаев оледенение обуславливало снижение уровня воды в озере Байкал ниже современного (Мац, Уфимцев, Мандельбаум, 2001; Воробьева, Горюнова, 2013; Arzhannikov et al., 2018). Для нас сегодня это означает, что, вероятно, археологические комплексы MIS 2 побережья северного Байкала находятся под водой.

Угнетенный ледниковой обстановкой горный рельеф Северного Прибайкалья канализировал, или иначе, суживал мобильность населения в пределах долин основных рек (Лены, Витима, Киренги, Мамы) и побережья озера Байкал. Роль рек как «естественных коридоров» сохранялась и в раннем голоцене (Демонтерова, и др., 2014; Тетенькин и др., 2018). В голоцене к таким естественным коридорам культурной коммуникации следует добавить муйскую и верхнеангарскую котловины. О существовании такого коридора – юго-западное Прибайкалье – побережье Байкала – Верхнеангарская и Муйская котловина (могильник Старый Витим II) – Витим (стоянка с погребением Нижняя Джилинда I) – могут свидетельствовать нефритовые шлифованные ножи раннеолитического (китайского) облика с обоих памятников, китайский рыболовный стерженек со Старого Витима II (Ветров, Инешин, Задонин, 1993; Ветров, 2008; Базалийский, 2012; Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019). Речные долины и байкальское побережье связывали в эпизодах коммуникации население соседних районов (Север Верхней Лены, Нижний и Верхний

Витим, Северный Байкал) между собой, а также являлись выходами в сопредельные регионы – Якутию, Западное Прибайкалье, Восточное Прибайкалье и Забайкалье.

Глава 3. «Археологические комплексы финального плейстоцена, MIS2 (средний – поздний верхний палеолит) Северного Прибайкалья»

В *Разделах 3.1–4* дается характеристика опорных археологических комплексов Севера Верхней Лены (Алексеевск, Бамовская, Балышово III, Чайка II, Вешний Ручей), Северного Байкала (Курла I–IV), Верхнего Витима (Усть-Каренга I–XVI), Нижнего Витима (Мамакан VI, Авдеиха, Большой Якорь I, Коврижка II–IV, Нирьякан). Дана культурно-типологическая оценка, приводятся результаты реконструкции деятельностных (хозяйственных) ситуаций обитания. В *Разделе 3.5 «Абсолютный и относительный возраст археологических комплексов MIS 2 Северного Прибайкалья»* приводятся результаты хронологического определения памятников. В *Разделе 3.6. «Морфология инвентаря археологических комплексов финального плейстоцена Северного Прибайкалья: техники производства, вопросы культурной типологии»* дается характеристика индустрий. Мелкопластинчатое производство на основе расщепления подпризматических нуклеусов формирует на севере Верхней Лены линию, ведущую начало от индустрии Алексеевска к сартанским ассамбляжам Балышово III, Чайки II, Вешнего Ручья, обозначенную как «алексеевский технокомплекс». На основе материалов Бамовской и Мамакана VI рассматривается появление микропластинчатой индустрии в регионе. В развитом виде сформировавшихся технологий клиновидные микронуклеусы предстают во второй половине MIS 2. Характеризуются юбецоидные технологии производства микронуклеуса (Большой Якорь I, Курла I–III, Усть-Каренга I–XVI), неюбецоидная «коврижкинская» техника подготовки клиновидного нуклеуса, широко распространенная, наиболее полно реконструированная на материалах Коврижки IV. Фоном для них выступает каменная и костяная индустрия регионального варианта поздневерхнепалеолитического культурного комплекса Северо-Восточной Азии. Отдельным феноменом выступает появление с юго-востока ок. 14–12,5 тыс. л.н. керамики на Верхнем Витиме, экстремально раннее по отношению к соседним районам Северного Прибайкалья.

Глава 4. Археологические комплексы раннего голоцена (финальный палеолит – мезолит) Северного Прибайкалья.

В *Разделах 4.1–4* характеризуются опорные раннеголоценовые комплексы Севера Верхней Лены (Любавская), Северного Байкала (Курла IV, 2, 3 к.г., Лударская I, III, Балтаханова III, V и др.), Верхнего Витима (Усть-Каренга I–XVI, 4–6 к.г., Нижняя Джилинда, 4–6 к.г., Старый Витим II), Нижнего Витима (Большая Северная, Коврижка I, 2 к.г., Коврижка II, 2–4а к.г., Коврижка III, 1, 1а к.г., Коврижка IV, 1 к.г., Коврижка V, 1, 2

к.г., Павлова, Инвалидный III). Дается культурно-типологическая оценка, приводятся результаты реконструкции деятельностных (хозяйственных) ситуаций обитания. *Раздел 4.6. «Радиоуглеродная и относительная хронология раннеголоценовых комплексов Северного Прибайкалья»* представляет сведения о датировании и возрасте финальнопалеолитических, мезолитических и раннеолитических стоянок региона. *Раздел 4.7. «Морфо-типологическая характеристика археологических комплексов раннего голоцена Северного Прибайкалья»*. В раннем голоцене 12–8 тысяч лет назад ведущей новацией стало распространение техники массового производства микропластин с призматических нуклеусов, традиционно воспринимаемых как признак мезолит – неолитических культур (Медведев, 1971; Савельев, Свинин, 1990). Наряду с призматическими нуклеусами и пластинками, занимающими значительное место в общем количестве дебитажа стоянок, ключевую роль в морфо-типологических корреляциях играют полиэдрические резцы (резцы-дрилы), срединные резцы, трансверсальные резцы, тесла с перехватом. На Северном Байкале комплексы мезолитического облика соотносятся с развитым мезолитом Приольхонья и Приангарья (Хлобыстин, 1965; Медведев, 1971; Савельев, Свинин, 1990; Горюнова, 1991; Горюнова, Новиков, 2000). На Севере Верхней Лены и на Нижнем Витиме типологические корреляции связывают этот технокомплекс с сумнагинской культурой Якутии (Мочанов, 1977). Сложность ситуации для Нижнего Витима, однако, состоит в сосуществовании новых ассамбляжей в раннем голоцене со стоянками палеолитического облика типа Авдеихи и типа Большого Якоря (Инешин, Тетенькин, 2005). На Верхнем Витиме в голоцене каменная индустрия усть-каренгской культуры развивается в сторону мезолит-неолитического стандарта. При сохранении клиновидных нуклеусов и трансверсальных резцов, знаковых для раннего этапа / финального сартана, уменьшается их доля. Увеличивается «мезолитический» компонент: призматические микронуклеусы, резцы, вкладыши, остроконечники из микропластин (Ветров, 2011). Сохраняется в качестве изолята усть-каренгская керамика. Ее нет уже в соседней верхневитимской стоянке Нижняя Джилинда (Сивакон) I (Ветров, Задонин, Инешин, 1993). На Нижней Джилинде были найдены изделия из витимского нефрита, чего нет на Усть-Каренге. Усложняет картину единственное погребение с Нижней Джилинды. С уровня его заложения, из 5а к.г. происходят шлифованные ножи китойского раннеолитического типа. Помимо призматической техники общим типом, проникающим в районы Северного Прибайкалья, являются тесла с перехватом, распространяющиеся в финальном мезолите на запад вплоть до Енисея (Медведев, 1971; Усов и др., 1992).

Глава 5. Морфо-типологическая корреляция археологических комплексов и реконструкция культурных процессов Северного Прибайкалья в контексте археологии среднего верхнего палеолита – мезолита Восточной Сибири

5.1. Этап 1 – ранний сартан (28–21 тыс. л.н.).

Ранний сартан, начало MIS 2, 28–21 тысяч лет назад, представлен на Севере Верхней Лены стоянками Алексеевск и Бамовская, на Нижнем Витиме – стоянкой Мамакан VI. Отличительной чертой Алексеевска, ок. 28-26 тыс. л.н., является производство мелких пластинок с объемных подпризматических нуклеусов (Задонин, 1996). Оно имеет параллели с мальтинской индустрией (Абрамова, 1984; Medvedev, 1998; Медведев и др., 2001) и с ассамбляжем Шишкино VIII Качугского района Верхней Лены позднекаргинского – раннесартанского возрастов (Пержаков, 2006). С другой стороны, отсутствуют морфо-типологические сходства с дюктайской культурой Якутии (Мочанов, 2007) и с Мамаканом VI на Витиме. Грубопризматическое производство на Севере Верхней Лены, впервые выявленное в Алексеевске, вплоть до конца сартана отмечается как устойчивая техническая линия, обозначенная как алексеевский технокомплекс.

Стоянка Бамовская на р. Киренга, притоке Лены, возрастом ок. 22 тыс. л.н., наряду с алексеевским технокомплексом содержит технику микропластинчатого производства (Краснощеков, 2009). Памятник синхронен горизонтам с микропластинчатым расщеплением стоянки Красный Яр I на Ангаре, древнейшим в Юго-Западном Прибайкалье (Medvedev, 1998).

На стоянке Мамакан VI на Нижнем Витиме формирование культуры каменного расщепления, содержащей технику производства крупных пластин, отщепов и микропластин с торцовых кареноидных нуклеусов, происходило под влиянием, исходящем из Восточного Прибайкалья – Южного Забайкалья; датируется ок. 25,2–22,5 тыс. л.н. (Тетенькин, 2014). Аналогии с дюктайской культурой Якутии в индустрии Мамакана VI отсутствуют. Идея юго-восточной, забайкальской культурной трансляции на Нижний Витим может быть усилена тем самым обстоятельством, что на севере Верхней Лены в археологическом комплексе Алексеевска существовала совершенно другая культурная общность. Различие это выражено в Алексеевске, прежде всего, в традиции мелкопластинчатого производства расщеплением подпризматических нуклеусов. Эта традиция в раннем сартане (раннем этапе MIS-2) в Южную Якутию и на Нижний Витим, т.е. вниз по Лене развития не получила. Алексеевск и Мамакан VI являются разнокультурными друг другу стоянками, и культурно-типологические корреляции у первой выстраиваются в юго-западное Прибайкалье, а у второй в юго-восточное Прибайкалье и Забайкалье.

5.2. Этап 2 – средний сартан (21–17 тыс. л.н.) наиболее ярко представлен 12-тью горизонтами Коврижки IV на Нижнем Витиме (Тетенькин, Анри, Клементьев, 2017; Тетенькин, 2017б; Тетенькин, 2018, 2019; Тетенькин и др., 2020). Антракологические и палеонтологические исследования позволили определить существовавший в районе памятника ландшафт как лесотундру с преобладанием в лесной растительности кустарниковой ивы, в сочетании с карликовой березой, лиственницей, можжевельником в виде островов лесной растительности (Анри и др., 2018). Были открыты и изучены остатки жилищ, а также хозяйственные очажные зоны. Как разнообразные функциональные варианты охарактеризованы деятельностные ситуации обитания на стоянке. Открыты древнейшие в Северном Прибайкалье предметы искусства, в том числе антропоморфная фигура из бивня мамонта (Тетенькин, Анри, Клементьев, 2017; Тетенькин, Жмур, Демонтерова и др., 2018). Феноменом нескольких горизонтов является широкое использование охры вплоть до обработки ею приочажной зоны (Тетенькин и др., 2020). Детально и наиболее полно для Северного Прибайкалья реконструирована техника подготовки клиновидного нуклеуса, получившая обозначение как «коврижнинская» (Тетенькин, 2018). Она представляет собою линию подготовки клиновидной преформы высокого контура из бифаса или скола и оформление и поджигание площадки ударами с латерали и фронта. Описание этой техники имеет операционное значение, прежде всего, для археологии Нижнего Витима, однако, подобные остаточные формы являются если не ординарными, то во всяком случае типичными в целом для Восточной Сибири. Наряду с этим на Коврижке IV обнаружены продукты техники юбецу, развитой в регионе в финальном сартане (Тетенькин, 2018). Трасологическим анализом установлены случаи крепления орудий в рукоятях и использования сегментов микропластин как вкладышей метательных композитных охотничьих орудий (Gauvrit Roux, Teten'kin, Henry, 2021).

Культура каменного производства Коврижки IV содержит, помимо микронуклеусов, унифасы с продольными ретушированными лезвиями, трасологически определенные как ножи и скребла, округлые и концевые скребки, отщепы с ретушью, трасологически определенные как ножи и скребки по шкурам, долотовидные типа *pièce esquillée*, атипичные угловые резцы, отщеповые галечные нуклеусы параллельного и радиального принципа расщепления (Тетенькин, 2017б). Ближайшие аналоги этой индустрии находятся в студеновской культуре Забайкалья и дюктайской культуре Якутии (Константинов, 1994; Мороз, 2014; Мочанов, 1977). На Студеном-1, 2, Усть-Мензе-1, 2 (Забайкалье) морфотипологически подобны или аналогичны микронуклеусы, скребки, долотовидные орудия, скребла (Константинов, 1994). Толбагинскую аналогию находят крупные пластины. Впечатление от аналогий орудий и нуклеусов нижних горизонтов Коврижки IV со

студеновской культурой усиливается благодаря обстоятельству открытия жилищ на Нижнем Витиме. Основным коррелятом для них являются именно жилища южного Забайкалья. В совокупности, конструктивно сложные жилища и морфо-типологически близкий облик орудий и нуклеусов нижних горизонтов Коврижки IV и комплексов южного Забайкалья работают на версию культурной близости и, в конечном счете, культурной трансляции из южного Забайкалья на Нижний Витим в рассматриваемый хронологический период.

По отношению к дюктайской культуре просматривается ряд локальных специфических черт. Каменная индустрия нижних культурных горизонтов Коврижки IV содержит довольно существенную серию долотовидных орудий типа *pièce esquillée*, слабо представленную в дюктайской культуре. Не характерны для дюктайской культуры и найденные на Коврижке IV крупные изделия – унифасы с лезвием по продольному краю, с подтеской по вентральному фасу. На Коврижке IV отсутствуют трансверсальные резцы.

Изучением минерального состава охры установлено, что ее получали путем механического дробления принесенных кусков гематита. Поиск источников охры показал, по имеющимся сегодня данным, что она доставлялась с железорудных месторождений, содержащих сопутствующий минерал гематит, удаленных более, чем на 500 км от Коврижки (Тетенькин и др., 2020). Во всех трех горизонтах 6, 2Г и 2Б охра кварц-гематитовой ассоциации была доставлена с месторождений, расположенных к юго-востоку от Коврижки, то есть вверх по течению Витима. Но при этом во 2Г к.г. выявлена еще и охра иного состава и происхождения с месторождений Ангаро-Илимского, либо Северо-Байкальского районов, а кроме того близкой по составу оказалась охра из неолитического могильника Турука на севере Верхней Лены. Сюжет доставки охры открывает для нас способность людей того времени доставлять ресурсы из источников, удаленных на сотни километров и являет пример, так называемого, «отложенного потребления» ресурсов (Testart A., 1982), заготовленных сильно загодя. Юго-западный и юго-восточный вектора доставки гематита связывают в одном хозяйственном эпизоде районы северо-западного и северо-восточного Прибайкалья.

Памятник предшествующего этапа Мамакан VI не обнаруживает морфо-типологических аналогий с культурой Коврижки IV. Микронуклеусы, резцы Мамакана VI демонстрируют полное отличие. На Мамакане VI отсутствуют бифасы. Вероятнее всего, это объяснимо хронологическим разрывом с комплексами Коврижки IV и разнокультурным характером обеих индустрий. В отношении к более молодым памятникам, комплексы Коврижки IV стоят у истоков сложившейся в финальном плейстоцене – раннем голоцене картины развития материальной культуры.

В аспекте жилищных сооружений на Коврижке IV возрастом 19–18 тыс. л.н., мы реконструируем культурно-технологический комплекс, выработанный обитателями Витима в условиях последнего ледникового максимума (LGM). Это важно отметить, поскольку в палеолитоведении существует преодолеваемая уже точка зрения о депопуляции Северной Сибири в период LGM (Goebel, 2002; Питулько, 2019).

На Севере Верхней Лены это время представлено стоянками Балышово III и Чайка II (Задонин и др., 2014; Инёшин и др., 2019). Обе репрезентируют алексеевский технокомплекс. На Чайке II выявлены и реконструированы примеры инициации нуклеуса, циклического процесса расщепления грубопризматического нуклеуса, продления срока «жизни» истощенного нуклеуса. Но Чайка II содержит также клиновидные нуклеусы и их производные. Реконструированная техника подготовки его аналогична таковым на Коврижке IV и на Усть-Кяхте 3 и 17 (Юго-Восточное Прибайкалье) (Ташак, 2005; Павленок, 2015; Тетенькин, 2017). Проницаемость района Севера Верхней Лены для этой технической традиции и технико-типологическая пара с аналогами с Коврижки IV, а также приленский вектор происхождения одного из источников охры с Коврижки IV выступают в роли аргументов для рабочей гипотезы эпизодической культурной коммуникации между обоими районами.

5.3. *Этап 3 – поздний (финальный) сартан (17–12 тыс. л.н.)* содержательно представлен во всех четырех районах Северного Прибайкалья. В это время продолжает развиваться технология микропластичатого производства – расщепления клиновидных нуклеусов. С ней связана техника вкладышевых орудий. Они составляют, условно говоря, прогрессивную часть ассамбляжей, фоном для которой является производство каменных орудий из сколов и отщепов, крупных пластин, на севере Верхней Лены также мелких пластинок с грубопризматических нуклеусов, в целом, верхнепалеолитического облика, с сохранившимися и более архаичными элементами.

Наиболее ярким памятником этого времени является Большой Якорь I на Витиме (Инёшин, Тетенькин, 2010). Он представляет собой серию кратковременных, сезонных охотничьих стоянок однокультурных друг другу, и в совокупности образующих наиболее полный культурный комплекс. Ведущими формами в ассамбляже являются юбецOIDные микронуклеусы из бифасов, трансверсальные резцы и скребки из отщепов. Реконструирована технология модификации и многоцелевого орудийного и нуклеарного использования бифасов в рамках технического приема продольного рассечения, известного как техника юбецу (Morlan, 1967; Nakazawa et al., 2005). Костяной набор орудий Большого Якоря состоит из вкладышевых ударных наконечников, тупоконечных наконечников, гарпуна, колотушки, игл. Графитовыми артефактами представлена знаково-символическая

деятельность. Спектр определенной фауны позволяет реконструировать промысел как неспециализированную охоту на крупных животных – сезонную заготовку и унос, и жизнеобеспечение на самой стоянке за счет добычи мелких видов – зайца, песца, рыбы, птицы. Сочетание таких видов как лошадь, бизон, овцебык, снежный баран и лось, соболь, волк указывает на мозаичный, преимущественно, тундро-степной холодный ландшафт с островами лесной придолинной растительности (Инешин, Тетенькин, 2010). Каменная индустрия Большого Якоря I отнесена к дюктайской культуре Якутии и верхоленской культурой юго-западного Прибайкалья (Белоусов и др., 1990; Инешин, Тетенькин, 2010). В рамках местной типологической систематики комплексов Нижнего Витима нижние культурные горизонты были объединены в группу ассамбляжей «типа Большого Якоря» (Тетенькин, 2011).

Близкой по возрасту Большому Якорю I является стоянка Авдеиха (Мочанов, 1975; 1977; Mochanov, Fedoseeva, 1996). Однако, она демонстрирует хотя и дюктайскую по облику, но иную по типологическому комплексу индустрию. Ее обитатели были знакомы с приемами юбецу, но преобладают клиновидные нуклеусы коврижжинской техники подготовки. Трансверсальные резцы единичны. Преобладают угловые резцы из отщепов случайных форм. Этот тип индустрии получил обозначение как «ассамбляжи типа Авдеихи» (Тетенькин, 2011). В финальном плейстоцене, в несколько более позднем времени ок. 13,5–12,2 тыс. л.н. существовали стоянки, оставившие комплексы этого типа в 2, 3 к.г. Коврижки III, 5 к.г. Коврижки II.

Ассамбляжи типа Авдеихи и типа Большого Якоря составили антитезу на общем дюктайском/верхнепалеолитическом фоне. В качестве объяснения различий техник клиновидного нуклеуса была предложена идея более гибкой в отношении микронуклеуса коврижжинской техники подготовки, подновления и переоформления, и юбецу–большеякорской техники, нацеленной больше на гибкую эксплуатацию бифаса, а не нуклеуса (Тетенькин, 2017). В качестве причин варибельности предложены функциональные факторы (хозяйственные, сырьевые, сезонные). Тем более, что в стоянках типа Авдеихи также фиксировались единичные реберчатые и лыжевидные сколы, характерные для юбецу, начиная уже с самой ранней стадии, с нижних горизонтов Коврижки IV, ок. 18,5 тыс. л.н.

Наиболее представительными для времени, следующего за стоянкой Большой Якорь I, являются 2 и 3 горизонты Коврижки III (Тетенькин, 2016). Во 2-м к.г. раскопаны остатки очагов, оборудованных гнейсовыми плитчатыми обломками, являющиеся наложением, по-видимому, разновременных эпизодов обитания. Выявлен многократно повторяемый феномен ориентации гнейсовых плит в направлении на юго-восток, на выдающийся

скальный выступ на линии горизонта на противоположном борту Витима. Наиболее сложная конструкция из плит имела Y-образную форму и была сооружена с приемами вкапывания, поддержки камнями в вертикальном положении, пазового соединения горизонтальных и вертикальных элементов (Тетенькин, 2016). «Замковые» камни имели искусственную форму овальных дисков. Впервые в палеолите Восточной Сибири мы говорим о таком виде деятельности как обработка строительного камня – гнейсовых плит. Еще одной важной особенностью этой конструкции было то, что, оказавшись непогребенным, верхний край плиты сооружения обитателями 1А к.г. (ок. 9,1 тыс. л.н.) был достроен положением новой гнейсовой плитки в ее продолжение. В следующем эпизоде 1 культурного горизонта, ок. 9,0 тыс. л.н., сооружена подобная конструкция из длинной плиты на ребре, с подпоркой. Назначение их не ясно.

Во 2 к.г. найдены куски вулканической пемзы и установлено, что она происходит с Удоканского вулканического поля, более чем на 500 км удаленного от Коврижки по речной сети (Демонтерова и др., 2014). Вслед за полученными данными по транспортировке охры в 6, 2Г и 2Б к.г. Коврижки IV эти материалы говорят о способности обитателей преодолевать сотни километров для доставки специфических минеральных ресурсов, а кроме того, о способности к ведению или возможности коммуникаций с населением Верхнего Витима.

Каменная индустрия 2–3 к.г. Коврижки III, сочетая признаки бифасов, микронуклеусов коврижского типа, отщеповых нуклеусов параллельного и радиального принципов расщепления, скребков, скребел, резцов, отщепов с краевой ретушью, чопперов, является ассамбляжем типа Авдеихи (Тетенькин, 2016). Заметной особенностью 2 к.г. являются макропластины длиной до 12 см. Предложено, что их производство имеет происхождение от забайкальской толбагинской традиции производства макропластин. Следует упомянуть о появлении первых призматических микропластинчатых нуклеусов. В общем контексте они выглядят как результаты проявления опыта управления расщеплением микронуклеуса – переноса фронта, ударной площадки.

На Верхнем Витиме финальносартанское время отмечено ранними горизонтами 8а, 8, 7 Усть-Каренги I–XVI. В 7 к.г. открыта керамика (Ветров, 2011). Датированная возрастом ок. 15–13 тыс. л.н. она является древнейшей в Байкальской Сибири. Каменная индустрия 8а, 8 и 7 к.г. может быть охарактеризована как финальнопалеолитическая (Ветров В.М., 2006), типологически близкая к дюктайской культуре. В выделенной В.М. Ветровым усть-каренгской археологической культуре 8а и 8 к.г. возрастом ок. 16–15 тыс. л.н. составили докерамический этап, а 7 к.г. – керамический этап, продлившийся до ок. 7,0 тыс. л.н. и содержащийся кроме 7-го в 6, 5 и 4 к.г. Усть-Каренги.

Ведущими признаками каменной индустрии нижних горизонтов Усть-Каренги являются юбецOIDные клиновидные нуклеусы, трансверсальные резцы и скребки (Ветров, 1995). Каменная индустрия Усть-Каренги и Большого Якоря близки. А выявленный сюжет доставки на Коврижку III пемзы с источника, расположенного, примерно посередине между Большим Якорем, Коврижкой и Усть-Каренгой показывает принципиальную возможность контактов и досягаемость населения обоих районов друг до друга.

Керамика представляет собой остатки параболоидных сосудов с приостренным дном, с основным мотивом декора в виде шагающей гребенки (Ветров, 2011). Происхождение этого феномена до конца не ясно. На Нижнем Витиме в синхронных памятниках усть-каренгская керамика не найдена. Открытие местонахождений с керамикой финальноплейстоценового возраста в Приамурье, Приморье, в северо-восточном Китае, Японии, Корею побудило В.М. Ветрова, а ныне и Е.М. Инешина, искать юго-восточное происхождение этой традиции (Derevianko, Medvedev, 1995; Лапшина, 1999, 2000; Окладников, Медведев, 1983; Шевкомуд, Чернюк, Кузьмин, 2001; Шевкомуд, 2004, 2005; Гарковик, 2005; Деревянко и др., 2017; Гарковик, 2000, 2005; Гарковик, Кадзивара, 2003; Деревянко, Зенин, 1996; Кузьмин, Алкин. и др., 1998; Lixin, Sebilaud, 2018; Ветров, 2006а, 2007, 2011, с. 176; Vetrov, Ineshin, 2019). На ряде памятников отмечается мотив «шагающей гребенки» (Лапшина, 2000; Shoda et al., 2020). В Забайкалье керамика финальноплейстоценового возраста обнаружена на стоянках Усть-Менза-1(8 к.г.), Студеное-1(8, 9 к.г.) и Красная Горка (Разгильдеева, Куникита, Яншина, 2013; Разгильдеева, Яншина, 2014; Tsydenova et al., 2017). Плейстоценовые местонахождения с керамикой в Восточном Китае, Приамурье и Забайкалье указывают на юго-восточный вектор происхождения усть-каренгской керамики.

Ближайшие аналоги большеякорскому культурному комплексу найдены во 2-м и 1-м сводных донеолитических горизонтах Курлы на Северном Байкале, хронологически несколько более ранних (Шмыгун, 1981; Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина, 2019). Нижний, 3-й горизонт Курлы выделяется специфическим производством миниатюрных юбецOIDных нуклеусов, большой серией орудий обработки кости и рога и уникальными изделиями из последних с линейными мотивами тонкой гравировки (Шмыгун, 1978, 1981; Шмыгун, Филиппов, 1982). Вместе с нижними комплексами Усть-Каренги они формируют, практически, уже ареал бытования технических традиций – каменной индустрии типа Большого Якоря в трех районах Северного Прибайкалья – на Нижнем и Верхнем Витиме, и Северном Байкале в интервале ок. 15,8–12 тыс. л.н. Следует упомянуть в этой связи стоянку 2 культурного горизонта Красной Горки, расположенной на Еравнинских озерах в Забайкалье, в междуречье рр. Уда и Витим. Этот комплекс содержит гладкостенную грубую

керамику, а вместе с ней набор из клиновидных нуклеусов, трансверсальных резцов, скребков, бифасиальных клинковидных орудий, пластинчатых отщепов с краевой ретушью, датируется ок. 12–11 тыс. кал. л.н. В триаде признаков клиновидных нуклеусов, трансверсальных резцов, скребков он близок Большому Якорю I, Усть-Каренге, а с другой стороны, Студеному-1, 2, Усть-Мензе-1, 2 (Tsydenova et al., 2017). Нет техники юбецу, но и качество камня исходной преформы для микронуклеусов, по-видимому, не соответствовало требованиям этой техники.

На Севере Верхней Лены финальный сартан представлен памятником Вешний Ручей (Задонин, Дзюбас, 2003). Его каменный комплекс продолжает специфику местных стоянок, выявленную уже в предыдущем этапе среднего сартана: сочетание традиций мелкопластинчатого производства и производства клиновидного нуклеуса, отжима с него микропластин. Микронуклеусы Вешнего Ручья не юбецоидны. Они изготовлены из бифасов, с площадкой, оформленной и подживлявшейся многими сколами.

5.4. *Этап 4 – ранний голоцен (12–7 тыс. л.н.).* На рубеже и в начале голоцена происходят значительные перемены в материальной культуре населения и в климате региона. Под знаком активной деградации ледников наступает лесная растительность (Анри и др., 2018). На побережье Байкала наиболее теплый и влажный климат с преобладанием лесной темнохвойной растительности существовал ок. 10–7 тыс. л.н., в высокогорной части Байкальского нагорья – 8–4,3 тыс. л.н. (Безрукова и др., 2012). Происходит подъем уровня воды в озере Байкал (Воробьева, Горюнова, 2013). Ведущей новацией стало распространение техники массового производства микропластин с призматических нуклеусов, традиционно воспринимаемых как признак мезолит – неолитических культур (Медведев, 1971; Медведев и др., 1971; Генералов, 1995). К рубежу появления керамики во всех уже районах Северного Прибайкалья около 8000 лет вырабатывается культурный комплекс, получивший дальнейшее развитие в неолитическую эпоху, в среднем и позднем голоцене (Медведев, 1971). Это, обобщенно характеризуя, вкладышевая техника, микропластинчатый отжим призматического нуклеуса, комплекс орудий из пластин (преимущественно) и отщепов – резцы, скребки, ножи, проколки и пр., шлифованные орудия – тесла и ножи, галечные оббитые тесла и топоры, рыболовные крючки и гарпуны. В конце мезолитической эпохи, к рубежу неолита появляются первые могильники (Базалийский, 2011).

На Нижнем Витиме в раннем голоцене продолжают существовать носители традиций позднепалеолитической культуры. Причем открыты комплексы обоих типов индустрий – типа Авдеихи и типа Большого Якоря I (Инешин, Тетенькин, 2005). Это обстоятельство прямо противоречит концепции Ю.А. Мочанова о полном уходе со сцены

дюктайской культуры в голоцене. Около 11,0 тыс. л.н. на Нижнем Витиме появляются комплексы сумнагинского (якутского) облика, довершая ситуацию культурной variability. По первому такому комплексу, раскопанному С.А. Федосеевой в 1973 г., памятники этого типа были обозначены как ассамбляжи типа Большой Северной (Мочанов, 1977; Тетенькин, 2011). В каменном производстве доминирует микропластинчатое расщепление призматических нуклеусов. Трасологический анализ показал, что призматические пластины активно использовались не только как вкладыши охотничьего ударного оружия, но и в разнообразных «домашних» видах как ножи, резчики, резцы, скобели, провертки и прочее, заменив собой, по сути, позднепалеолитический комплекс орудий (Уланов и др., 2020). Ощутимым компонентом этого комплекса являются галечные тесла с перехватом. Основной ареал существования тесел с перехватом – это Ангаро-Енисейский регион (Медведев, 1971; Усов и др., 1992). На востоке они достигают р. Олекмы (Алексеев, 1987). В Западном Прибайкалье Г.И. Медведевым тесла с перехватом определены как маркерный финально-мезолитический тип (Медведев, 1971). Особенностью ассамбляжей типа Большой Северной является совершенно иной тип каменного сырья. Если комплексы типа Большого Якоря и Авдеихи связаны с местным эффузивным сырьем, то здесь эксплуатировались изотропные породы кремня, вулканическое стекло, халцедон, аржиллит. На местонахождениях Коврижка II–V, Инвалидный III комплексы типа Большой Северной и типов Авдеихи, Большого Якоря залегают смежно и относительно синхронно. Отдельные общие формы артефактов встречаются в комплексах этих трех типов. Для наблюдаемой variability комплексов было предложено объяснение в виде зависимости каменного производства от типа сырья.

В поисках истока призматического микропластинчатого технокомплекса рассматривается, с одной стороны тот факт, что самые ранние призматические микронуклеусы были найдены в 2 и 3 к.г. Коврижки III финально-сартанского возраста. Следовательно, к появлению новой технологии местное население уже было подготовлено существованием в культурном багаже зачатков подобной техники, вызревших на местной индустриальной основе. С другой стороны, контрастный в сырьевом, номенклатурном, типологическом аспектах новый технокомплекс выглядит как инновация. Причем, ленское происхождение его более вероятно, чем верхневитимское в силу того, что сумнагинский призматический микропластинчатый технический комплекс является более «чистым», чем раннеголоценовый забайкальский производственный комплекс: в нем нет артефактов финально-палеолитического облика, в частности, нет клиновидных нуклеусов. Сосуществование традиций всех трех типов ассамбляжей на Нижнем Витиме и выявленные

примеры их пересечения и трансляции не дают повода, как в Якутии, полагать смену населения (Мочанов, 1977).

Верхняя граница докерамического каменного века на Нижнем Витиме отбивается именно в комплексе сумнагинского облика – в 1-м культурном горизонте Коврижки IV, содержащем керамику. Возраст ее ок. 8,5–8,0 тыс. л.н.

На Верхнем Витиме усть-каренгская культура продолжала существовать вплоть до 5,7–5,1 тыс. кал. л.н. / 5–4,5 тыс. рад. л.н. (Ветров, 2011). Обильный 4 культурный горизонт Усть-Каренги дает представление о финальной стадии развития усть-каренгской культуры. Керамика осталась неизменной. В каменном комплексе расщепление призматических микропластинчатых нуклеусов стало доминирующим. Сохраняется присутствие клиновидных нуклеусов. Сохраняются трансверсальные резцы. Но наряду с ними большое место занимают угловые резцы из пластинок. Появляются тесла с перехватом. Есть листовидные бифасы в виде клинков или наконечников. Сходство с ассамбляжами типа Большой Северной Нижнего Витима констатируется только на уровне общих для Восточной Сибири призматических микронуклеусов и тесел.

Между усть-каренгским и мамаканским геоархеологическими районами существует еще раннеголоценовое местонахождение Нижняя Джилинда (Сивакон)-1. Его нижние горизонты 4, 5, 5а и 6 возрастом 10–7,5 тыс. кал. л.н. не имеют керамики (Ветров, Инешин, Задонин, 1993). Особенностью Сивакон-1 являются артефакты из витимского нефрита, на Усть-Каренге таковые не найдены. На Сиваконе-1 открыто погребение, заложенное из 5а к.г., возрастом ок. 8,4–8,0 тыс. кал. л.н. Антропологический и генетический материал исследователями связывается с юго-восточной ветвью монголоидной расы (Ветров, 1992; Vetrov, Ineshin, 2019). В.М. Ветров оценивал своеобразие сиваконских культурных комплексов и нетождественность усть-каренгским (Ветров, 1990, 1992, 2006). Интересно появление угловых шлифованных нефритовых ножей китойского типа в докерамическом 5а к.г., с уровня которого заложено погребение.

На Северном Байкале к раннему голоцену относится 3-й культурный горизонт Курлы IV, соотносимый с верхоленской мезолитической культурой юго-западного Прибайкалья (Абдулов, 1991). К поздней стадии мезолита относится Курла IV – 2, 3 к.г., компоненты мезолитического облика местонахождений Лударская, Балтаханова II, III, V, Богучанская IV, Горячая I, III, о-в Богучанский, Красный Яр II – 1 к.г. (Абдулов, 1991; Инешин, Карнышев, 2005; Тетенкин, Кичигин, Коростелев, 2019). Основным коррелятом выступают позднемезолитические комплексы Малого моря и Приольхонья (Байкал) (Хлобыстин, 1965; Савельев, Свинин, 1990; Горюнова, Хлобыстин, 1992; Горюнова, Новиков, 2000; Горюнова, Воробьева, 1986, 1998).

На Севере Верхней Лены опорным памятником раннего голоцена – мезолита является стоянка Любавская I (Задонин и др., 2014). Она датируется возрастом ок. 9 тыс. л.н. В каменной индустрии Любавской I произошел переход на призматическое микропластинчатое расщепление.

Основные выводы изучения раннеголоценовых комплексов Северного Прибайкалья следующие. 1) Сохранение индустрий дюктайского палеолитического облика в несмешанном виде самостоятельных комплексов в ситуации культурной вариабельности на Нижнем Витиме и в виде традиций в одном составе с призматическим компонентом и керамикой в Усть-Каренге на Верхнем Витиме, в виде комплексов облика верхоленской культуры на Северном Байкале. 2) Распространение в регионе технологий призматического микропластинчатого производства. 3) Типологические связи стоянок Северного Байкала с юго-западным Прибайкальем, сырьевые связи Нижнего Витима с Северной Верхней Леной и Верхним Витимом, проницаемость всего региона для распространения технологии расщепления призматических микронуклеусов и такого типа как тесла с перехватом являются аргументами в пользу разнообразной и многовекторной культурной трансляции и контактов населения всех четырех районов между собой и с сопредельными районами.

Уникальные комплексы Нижней Джилинды I и Усть-Каренги на сегодняшнем уровне наших знаний воспринимаются как культурные изоляты, занимавшие локальную географическую нишу, возможно, стоянки мигрировавших извне групп населения.

5.5. Проблема «неолитического перехода» культуры населения Северного Прибайкалья. Тема древнейшей усть-каренгской керамики в рамках проблемы зарождения очага керамического производства в Восточной Азии остается экстраординарным сюжетом, локальным и выбивающимся из общей картины развития неолита. Важным пунктом в изучении докерамической эпохи каменного века Северного Прибайкалья является вопрос появления керамики в его районах и в этом смысле повсеместного наступления неолита. Его решение позволит определить верхний хронологический рубеж мезолита и, соответственно, рамки исследования.

Стоянки с керамикой сеткой-плетенкой известны на севере Верхней Лены (Назарово I, Марково I, II, Олонцево I) (Задонин, 1990). На Северном Байкале ранненеолитический компонент выявляется на стоянках с компрессионным, смешанным культурным слоем. Это местонахождения Байкальское III, Богучанская XIII, Красный Яр II – 2 к.с., Усть-Рель 1 (Емельянова, Харинский, 2008; Харинский, Емельянова, Рыков, 2009; Кичигин, 2010). По нагару с керамики с оттисками сетки-плетенки со стоянки Усть-Рель 1 получена дата 6965 ± 47 л.н. (Ua-50439) (Харинский, Емельянова, Иванов, 2021). Ей соответствует календарный возраст 7870–7685 л.н.

На Нижнем Витиме керамика с оттисками сетки-плетенки открыта в 1 культурном горизонте Коврижки IV. По углероду из глины теста сосуда получена радиоуглеродная дата 8980 ± 20 л.н. (Poz-107434). В виду того, что она сделана по углероду, содержащемуся в тесте керамики, дата была признана переудревненной. На основе стратиграфических данных возраст 1-го горизонта с керамикой Коврижки IV был привязан к возрасту 1-го культурного горизонта Коврижки V, имеющий датировку ок. 8,3 тыс. л.н. В итоге следует констатировать, что на Нижнем Витиме усть-каренгская керамика не обнаружена. На Коврижке IV открыли керамику с оттисками сетки-плетенки. Керамика этого же типа найдена в 3 культурном горизонте Большого Якоря I (Инешин, Тетенькин, 2010). Датировка ок. 8,3 тыс. кал. л.н. для 1 к.г. с керамикой Коврижки IV нормально соотносится со временем появления керамики сетки-плетенки и становления неолита на юге Западного Прибайкалья (Бердников и др., 2017).

Время раннего неолита на Витиме характеризует сюжет связи аргиллитовых артефактов Коврижки I и Усть-Каренги XVI, датируемый ок. 7,0 тыс. л.н. (Тетенькин, Ветров, Демонтерова и др., 2017). Рентгено-флуоресцентным методом установлено тождество сырья морфологически идентичных скребков. Этот результат принят как аргумент в пользу существовавшего коммуникационного эпизода между двумя группами населения. Вместе с тем обзор истории развития культуры населения обоих районов в раннем голоцене показал их различие. На Нижнем Витиме сложилась ситуация культурной вариабельности трех типов археологических комплексов: типа Авдеихи, типа Большого Якоря, типа Большой Северной (Тетенькин, 2011). На Верхнем Витиме демонстрировались переход от ранней к поздней стадии усть-каренгской культуры на самой Усть-Каренге и культурно инородные комплексы Нижней Джилинды (Сивакон) I и Старого Витима II, стоящие между Усть-Каренгой и Коврижкой (Ветров, 2006, 2011).

В могильнике Старый Витим II, и на стоянке с погребением Нижняя Джилинда (Сивакон) отмечены типологические корреляты с погребальными традициями южного Прибайкалья рубежа мезолит – неолита (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019; Ветров, Задонин, Инешин, 1993). По совокупности признаков могильник Старый Витим II обнаруживает веские отличия от погребения и нижних горизонтов Нижней Джилинды, и оба они отличны от усть-каренгской неолитической культуры. В.М. Ветров определял их как своеобразные культурные феномены, не коррелируемые с усть-каренгской культурой, и на этом строил концепцию культурных изолятов (Ветров, 1992, 2006). Ареал усть-каренгской культуры по этим данным не доходит до района следующей по течению Бамбуйской котловины и ее памятника Нижняя Джилинда.

Заключение. Выстраиваемая культурная история населения Северного Прибайкалья эпохи среднего – позднего – финального палеолита – мезолита – древнейшего неолита, т.е. ок. 27 – 8 тыс. календ. л.н., с одной стороны, представляет собой композицию из процессов культурной трансляции из районов юга Западного и Восточного Прибайкалья, Забайкалья, Якутии, в разное время и различным образом оказывавших влияние на районы Северного Прибайкалья. С другой стороны, мы видим развитие в самом регионе Северного Прибайкалья, выработку местных культурных феноменов. Особенностью местного культурного развития являются специфика жилищных стояночных комплексов Коврижки IV, отличная от забайкальских образцов, сложившаяся техническая вариабельность на Нижнем Витиме, усть-каренгский тип керамики на Верхнем Витиме, микролитический производственный комплекс нижнего сводного горизонта Курлы I–III.

Важнейшие технологические инновации – вкладышевая техника, микропластинчатое производство на основе расщепления клиновидных нуклеусов, затем призматических нуклеусов, изготовление керамической посуды – были заведены в регион Северного Прибайкалья извне. Вопросы их происхождения, сугубо в рамках археологии региона не имеют решения и должны быть выведены на широкий субконтинентальный уровень.

Выявленные археологические комплексы, безусловно, были культурным – адаптивным откликом на условия обитания. В наибольшей степени такие представления дают нам самые информативные стоянки Коврижка IV, III, II, Большой Якорь I, характеризующие время 19–12 тыс. л.н. в аспектах выбора места поселения, строительства жилищ, организации жилого пространства, охотничьего промысла, эксплуатации минеральных ресурсов.

Особо следует подчеркнуть разнообразную знаково-символическую деятельность в виде открытых на Коврижке II и IV предметов искусства (антропоморфной фигуры, графитовой подвески, бусины), активного использования охры, использования графита как краски на Большом Ягоре I и Коврижке III, гравировки кости на Курле I–III, декора на усть-каренгской керамике. Эти явления трактуются как свидетельства знаково-символического, идеологического обеспечения жизнедеятельности древнего населения Северного Прибайкалья.

Наибольшие сведения об охотничьем промысле доставила стоянка Большой Якорь I. Она представляла собой периодически устраиваемый на одном месте охотничий лагерь. Основной была неспециализированная охота на крупных млекопитающих, туши которых после разделки уносились. Пропитание самих охотников на стоянке обеспечивалось промыслом мелких животных – зайца, песца, птиц и рыб. Обитатели Коврижки IV, по-

видимому, использовали мыс с обрывом Коврижку в загонной охоте на снежного барана. Композитные вкладышевые наконечники составляли основу охотничьего вооружения. Найденные на Большом Якорь I и Курле I тупоконечные наконечники, по-видимому, были предназначены для пушной охоты. На Большом Якорь I и Курле I-III найдены также и гарпуны.

Судя по антропоморфным фигурам из 6 к.г. Коврижки IV и пластине из погребения Нижняя Джилинда I из бивня мамонта, практиковался сбор бивневого поделочного сырья.

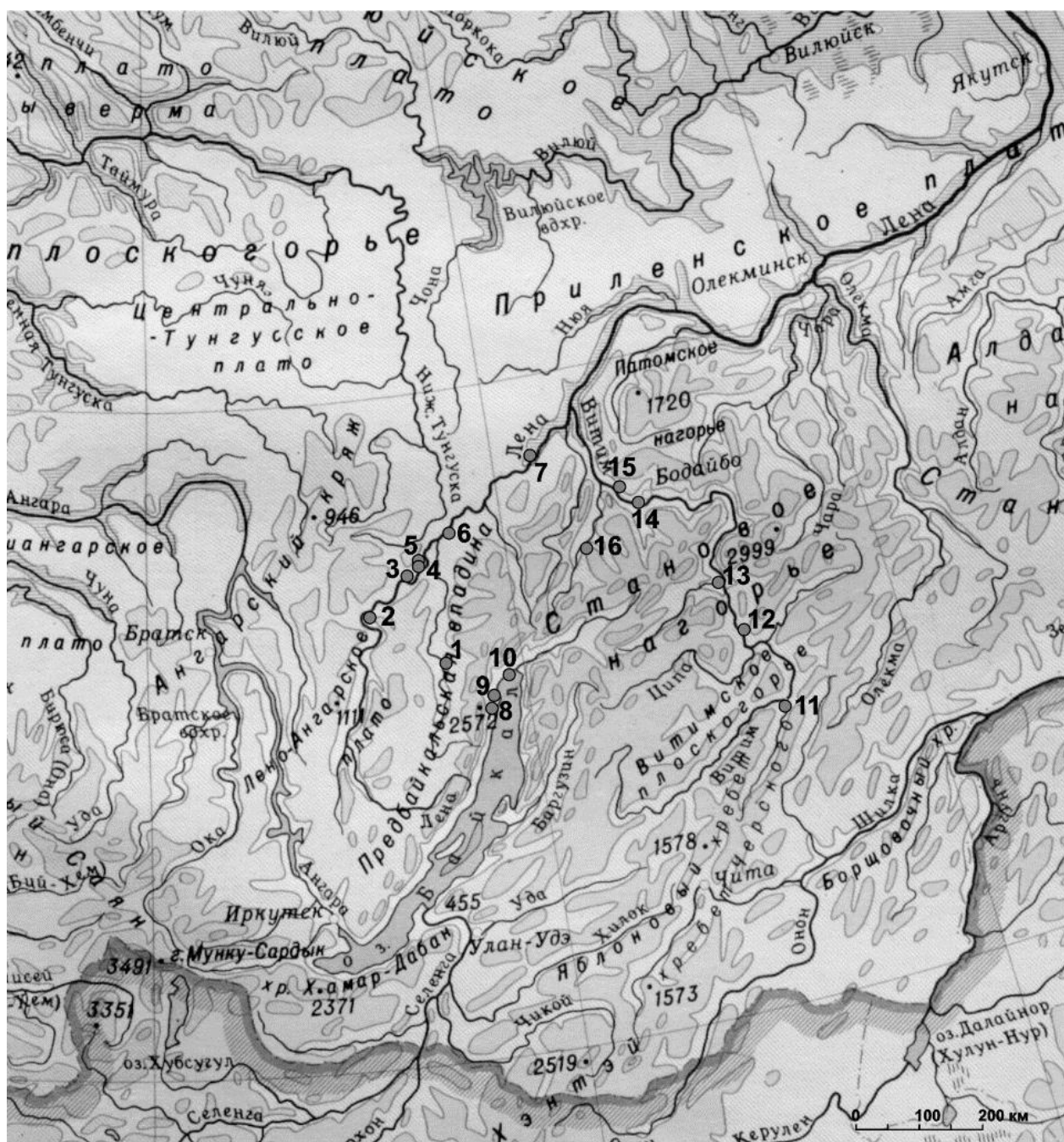
Изучение происхождения экзотических минеральных ресурсов позволило охарактеризовать мобильность населения в деле доставки материалов из источников, удаленных на сотни километров. Такие результаты были получены по охре, вулканической пемзе, коричневым аргиллитам. Они показали, что 18,6–7,0 тыс. л.н. маршрутами этих доставок Верхний и Нижний Витим, север Верхней Лены были связаны между собой.

Ряд свидетельств, таких как использование черного алеврита в 6 и 2Б к.г. Коврижки IV (19,1 и 18,5 тыс. л.н.), подновление в 1А к.г. конструкции из 2 к.г. Коврижки III (12,7 и 9,2 тыс. л.н.), равно как и культурно-типологически гомогенные комплексы 9–3А к.г. Большого Якоря I (12,7–11,7 тыс. рад. л.н.), 1 и 2 сводн. донеолит. к.г. Курлы I–III, усть-каренгская керамика раннего (7 к.г., 13–12 тыс. л.н.) и позднего (4 к.г., ок. 8–7 тыс. л.н.) этапов, указывают на вертикальную – межпоколенную трансляцию большой возрастной глубины – до нескольких тысяч лет.

В особом облике каменной индустрии нашли выражение культурные механизмы экстенсивного и ресурсосберегающего поведения (Большой Якорь I, Коврижка III, IV), планирования трудовых операций и отложенного потребления (многофункциональные транспортируемые бифасы на Большом Якорь I и Коврижке IV и депозиты на Коврижке IV и Усть-Каренге XVI, принос охры из разных, удаленных друг от друга источников на Коврижку IV), технологической зависимости расщепления от видов и качества породы каменного сырья (палеолитический комплекс Нирыкана, комплексы сумнагинского и дюктайского облика на Нижнем Витиме в голоцене). В качестве управляющих факторов действовали обстоятельства сезонности, доступности сырья, пищевых ресурсов, продолжительности обитания, ландшафтной топики. Интегрированный вектор деятельности определялся в рамках принципа адаптивной вариабельности, выражающего мобильность древних людей в выборе в наличном культурном арсенале актуальных технологических знаний, приемов, способов (Инешин, Тетенькин, 2000).

Наиболее изученные и информативные стоянки Коврижка IV и Большой Якорь I дают эталонное представление о культуре населения широкого географического охвата, находящие корреляционный отклик в большинстве опорных памятников

восточносибирского позднего верхнего палеолита: Красного Яра I, Верхоленской Горы, Усть-Кяхты-17, Студеного-1, 2, Усть-Мензы-1, 2, Сухотино-4, Дюктайской пещеры, Ушков I–VII и других. Совокупное суждение о культуре Северного Прибайкалья строится как суждение о региональном варианте восточносибирского позднего верхнепалеолитического культурного комплекса, или багажа, с которым пришли в Берингию первые сибиряки-американцы, и на основе которого в Восточной Сибири наступила неолитическая эпоха.

Карта археологических местонахождений среднего верхнего палеолита - мезолита - начального неолита Северного Прибайкалья: **памятники севера Верхней Лены** 1 - Бамовская, 2 - Чайка II, 3 - Вешний Ручей, 4 - Любавская 1, 5 - Балышово III, 6 - Алексеевск, 7 - Частинская I-III; **памятники Северного Байкала** 8 - Горячая I-IV, 9 - Лударская I, III, Балтаханова II, III, V, Красный Яр II, 10 - Курла I-VI; **памятники Верхнего Витима** 11 - Усть-Каренга I-XVI, 12 - Нижняя Джилинда (Сивакон) I, 13 - Старый Витим II; **памятники Нижнего Витима** 14 - Авдеиха, Инвалидный III, Мамакан VI, Большой Якорь I, Коврижка I-V, Павлова, 15 - Большая Северная, 16 - Нирьякан

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации:

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях и журналах, рекомендованных ВАК:

1. Инешин, Е.М. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме / Е.М. Инешин, **А.В. Тетенькин** // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2004. – №4(20). – С.10–15. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
2. **Тетенькин, А.В.** Проблема определения территориальных связей в археологии (на примере памятников конца палеолита – неолита бассейна р.Витим) / А.В. Тетенькин // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2011. – №8. – С.303–308. (0,5 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
3. **Тетенькин, А.В.** Процессуальный подход к типам в археологии: постановка проблемы / А.В. Тетенькин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – №8(14): в 4-х ч. – Ч. IV. – С.197–200. (0,5 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
4. **Тетенькин, А.В.** Проблема изучения процессов существования типов вещей в культуре / А.В. Тетенькин // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2012. – №3. – С.342–349. (0,6 п.л.; авт. вкл. – 0,6 п.л.)
5. **Тетенькин, А.В.** О семиотической природе типов артефактов / А.В. Тетенькин // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – №2(19). – С.65–72. (1 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
6. **Тетенькин, А.В.** Проблема культурной вариабельности археологических комплексов финального плейстоцена – раннего голоцена Нижнего Витима / А.В. Тетенькин // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – №2(22). – С. 104–107. (1 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
7. Демонтерова, Е.И. К вопросу о мобильности древнего населения севера Байкальской Сибири в конце плейстоцена / Е.И. Демонтерова, А.В. Иванов, Е.М. Инешин, **А.В. Тетенькин** // Stratum plus. – 2014. – №1. – С. 165–180. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,4 п.л.)
8. **Teten'kin, A.V.** Sign, Type, Artifact / A.V. Teten'kin // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 4. – 2015. – №8. – P. 639–648. (1 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
9. **Тетенькин А.В.** Многослойный памятник Коврижка III на Нижнем Витиме / А.В. Тетенькин // Stratum plus. – 2016. – №1. – С. 265–315. (3 п.л.; авт. вкл. – 3 п.л.)

10. **Teten'kin, A.V.** Archaeological Evidence for the Construction of Features at the Kovrizhka Site, Siberia, during the Pleistocene-Holocene Transition / A.V. Teten'kin, H.L. Smith, A. Henry // *PaleoAmerica*. – 2016. – Vol. 2, Iss. 4. – P. 343–361. (2 п.л. п.л.; авт. вкл. – 1,5 п.л.)
11. **Тетенькин А.В.** Каменный инвентарь 2Б культурного горизонта стоянки Коврижка IV на Витиме / А.В. Тетенькин // *Известия лаборатории древних технологий*. – 2017. – Т. 13. №4. – С. 9–26. (2 п.л.; авт. вкл. – 2 п.л.)
12. Анри, А. Новые данные к реконструкции растительности и климата в Байкало-Патомском нагорье (Восточная Сибирь) в максимум последнего оледенения – раннем голоцене / А. Анри, Е.В. Безрукова, **А.В. Тетенькин**, М.И. Кузьмин // *Доклады Академии Наук*. – 2018. – т. 478, № 5. – С. 584–587. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,25 п.л.)
13. **Тетенькин, А.В.** Технологический контекст производства и расщепления микропластинчатых нуклеусов по материалам культурных горизонтов 2Б и 6 стоянки Коврижка IV (Витим, Байкало-Патомское нагорье) / А.В. Тетенькин // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»* – 2017. – Т. 21. – С. 107–135. (2 п.л.; авт. вкл. – 2 п.л.)
14. **Тетенькин, А.В.** Коврижка IV: позднепалеолитический комплекс 6 культурного горизонта / А.В. Тетенькин, А. Анри, А.М. Клементьев // *Археологические вести*. – 2017. – Вып. 23. – С. 33–55. (2 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
15. **Тетенькин, А.В.** Археология позднего верхнего палеолита и мезолита Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья / А.В. Тетенькин // *Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология*. 2018. - №2 (100). – С. 182–187. (1 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
16. **Тетенькин, А.В.** Аргиллитовые артефакты как источник информации о связях населения бассейна Витима в эпоху финального плейстоцена – среднего голоцена / А.В. Тетенькин, В.М. Ветров, Е.И. Демонтерова, Г.В. Пашкова, Е.В. Канева // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2018. – №2. – С. 16–24. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
17. **Тетенькин, А.В.** Фигуры из бивня мамонта и знаково-символический контекст палеолитического жилища на стоянке Коврижка IV в низовье Витима / А.В. Тетенькин, О.В. Жмур, Е.И. Демонтерова, Е.В. Канева, Н.В. Сальная // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2018. – Т. 46. №4. – С. 3–12. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
18. Инёшин, А.В. Палеолитический комплекс геоархеологического местонахождения Чайка II на севере Верхней Лены / А.В. Инёшин, О.В. Задонин, Т.М. Инёшина, С.Н.

- Пержаков, **А.В. Тетенькин** // Известия Лаборатории древних технологий. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 20–45. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
19. **Тетенькин, А.В.** Новое археологическое местонахождение эпохи каменного века Балтаханова V (Северный Байкал) / А.В. Тетенькин, Д.Е. Кичигин, А.М. Коростелев // Известия Лаборатории древних технологий. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 46–63. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,3 п.л.)
20. Ветров, В.М. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия). Часть 1. Погребально-ритуальные комплексы № 1–6 / В.М. Ветров, Д.Л. Шергин, **А.В. Тетенькин** // Известия Лаборатории древних технологий. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 9–34. (2 п.л.; авт. вкл. – 0,7 п.л.)
21. Ветров, В.М. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия). Часть 2. Погребально-ритуальные комплексы № 7–15 / В.М. Ветров, Д.Л. Шергин, **А.В. Тетенькин** // Известия Лаборатории древних технологий. – 2020. – Т. 16, № 1. – С. 9–34. (2 п.л.; авт. вкл. – 0,7 п.л.)
22. Уланов, А.А. Первые результаты трасологического исследования раннеголоценовой пластинчатой индустрии стоянки Павлова I на Нижнем Витиме / Е.В. Канева, Г.Н. Поплевко, **А.В. Тетенькин** // Известия Лаборатории древних технологий. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 9 – 28. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
23. **Тетенькин, А.В.** Охра в позднепалеолитических контекстах стоянки Коврижка IV на Байкало-Патомском нагорье / А.В. Тетенькин, Е.И. Демонтерова, Е.В. Канева, О. Анри, Э. Говри Ру // Археология, этнография и антропология Евразии. – т. 48, №3. – 2020. – С. 33–42. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
24. Gauvrit Roux, E. Which uses for the Late Glacial microblades of Eastern Siberia? Functional analysis of the lithic assemblage of the lithic assemblage of Kovrizhka IV, level 6 / E. Gauvrit Roux, **A.V. Teten'kin**, A. Henry // Известия Лаборатории древних технологий. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 9–22. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,4 п.л.)
25. **Тетенькин, А.В.** Позднепалеолитический комплекс культурного горизонта 2Г стоянки Коврижка IV на р. Витим (Байкало-Патомское нагорье) / А.В. Тетенькин, Е.И. Демонтерова, Г.И. Поплевко, И.И. Разгильдеева, Н.В. Сальная, О. Анри // Stratum Plus. – 2021. – С. 259–300. (2 п.л.; авт. вкл. – 1,5 п.л.)
26. **Тетенькин, А.В.** Новый палеолитический комплекс местонахождения Нирыкан I на р. Мама (Байкало-Патомское нагорье) / А.В. Тетенькин // Известия Лаборатории древних технологий. – 2021. – Т. 17. № 3. – С. 9–21. (1 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)

Монографии:

27. Инешин, Е.М. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I / Е.М. Инешин, **А.В. Тетенькин**. – Новосибирск: Наука, 2010. – 270 с. (10 п.л.; авт. вкл. – 5 п.л.)
28. Ineshin, E.M. and **A.V. Teten'kin**. Humans and the environment in the Late Pleistocene of Northern Baikalian Siberia / E.M. Ineshin, A.V. Teten'kin. Trans. and ed. P. Hommel and N. Reynolds. – Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2017. – 337 p. (10 п.л.; авт. вкл. – 5 п.л.)

Статьи и тезисы:

29. Ineshin E.M., Prolegomena of the System-Activity Approach in the Problem of Splitting Modelling (upon the findings from the archaeological site Bolshoi Yakor-I / E.M. Ineshin, **A.V. Tetenkin** // The Journal of Korean Ancient Historical Society. – Seoul, 1995. – vol. 19. – P.193–221. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
30. Инешин, Е.М. Введение к системно-деятельностному подходу в практике археологических исследований / Е.М. Инешин, **А.В. Тетенькин** // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. – Ч.1. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1995. – С.5–10. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
31. Инешин, Е.М., **Тетенькин А.В.** Модель системы расщепления по материалам Большого Якоря в рамках системно-деятельностного подхода / Е.М. Инешин, А.В. Тетенькин // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск, 1995. – С.8–29. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
Инешин, Е.М. Новые данные к модели деятельности человека на рубеже плейстоцен-голоцена в бассейне р.Витим в пределах Байкало-Патомского нагорья / Е.М. Инешин, **А.В. Тетенькин** // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. – С.100–102. (0,4 п.л.; авт. вкл. – 0,2 п.л.)
32. **Тетенькин, А.В.** Коврижка - новый многослойный объект Нижнего Витима / А.В. Тетенькин // Археология и палеоэкология Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1996. – Ч.1. –С.104–107. (0,4 п.л.; авт. вкл. – 0,4 п.л.)
33. Белоусов, В.М. Некоторые аспекты создания динамической модели развития рельефа в Мамаканском геоархеологическом микрорайоне / В.М. Белоусов, Е.М. Инешин, Л.Д. Сулержицкий, **А.В. Тетенькин** // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – С.19–23. (0,5 п.л.; авт. вкл. – 0,2 п.л.)
34. Инешин, Е.М. Некоторые аспекты применения системно-деятельностного подхода в планиграфических исследованиях / Е.М. Тетенькин, **А.В. Тетенькин** // Археология и

- этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. - Владивосток, 1998. - С.11-22. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
35. **Тетенькин, А.В.** Ранние комплексы местонахождения Коврижка на Нижнем Витиме / А.В. Тетенькин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. - С.161–165. (0,4 п.л.; авт. вкл. – 0,4 п.л.)
36. Инешин, Е.М. К проблеме теоретических оснований интеграции археологических и этнографических исследований Е.М. Инешин, **А.В. Тетенькин** // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. – С.55–57. (0,4 п.л.; авт. вкл. – 0,2 п.л.)
37. **Тетенькин, А.В.** Геоархеологические местонахождения плейстоцен-голоцена в Бодайбинском районе Байкало-Патомского нагорья: хроностратиграфия, морфотипология, периодизация / А.В. Тетенькин / Автореф. на соиск. учен степ. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999. – 21 с. (1 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
38. Инешин, Е.М. К проблематике геоархеологических исследований Байкало-Патомского нагорья / Е.М. Инешин, **А.В. Тетенькин** // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – Т.IV. – С.141–147. (0,6 п.л.; авт. вкл. – 0,3 п.л.)
39. Инешин, Е.М. Адаптивная вариабельность в системах расщепления в финально-плейстоценовых отложениях Нижнего Витима / Е.М. Инешин, **А.В. Тетенькин** // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей. – Иркутск, 2000. – С. 24–57. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
40. Аксенов, М.П. История и некоторые результаты археологических исследований в бассейне р.Витим (Витимское плоскогорье и Байкало-Патомское нагорье) / М.П. Аксенов, В.М. Ветров, Е.М. Инешин, **А.В. Тетенькин** // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. – Вып.2, ч.1. – С.4–35. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,4 п.л.)
41. **Тетенькин, А.В.** Исследования многослойного объекта Коврижка на Нижнем Витиме / А.В. Тетенькин // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. – Вып.2, ч.1. – С.117–146. (1 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
42. Белоусов, В.М. Модель формирования рельефа Мамаканского геоархеологического субрайона / В.М. Белоусов, Е.М. Инешин, Л.Д. Сулержицкий, **А.В. Тетенькин** //

- Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. – Иркутск, 2002. – Вып.2. – С.21–42. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
43. Инешин, Е.М. Категория «артефакт» в системно-деятельностном подходе в археологии / Е.М. Инешин, **А.В. Тетенькин** // Известия Лаборатории древних технологий. – 2003. – Вып. 1. – С.34–49. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
44. **Тетенькин, А.В.** К вопросу о выборе способа изображения объекта археологического исследования / А.В. Тетенькин // Известия Лаборатории древних технологий. – 2003. – Вып. 1. – С.26–33. (1 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
45. **Тетенькин, А.В.** От «хозяйственного уклада» до «геоархеологии»: реконструкция научного дискурса иркутской школы / А.В. Тетенькин // Известия Лаборатории древних технологий. – 2003. – Вып. 1. – С.8–25. (1 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
46. **Тетенькин, А.В.** Логико-методологические аспекты зооархеологических исследований / А.В. Тетенькин, Е.М. Инешин // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – С.40–45. (0,5 п.л.; авт. вкл. – 0,3 п.л.)
47. Инешин, Е.М. Проблематика и вопросы методологии зооархеологических исследований Большого Якоря I / Е.М. Инешин, А.Н. Клементьев, Н.В. Мартынович, К.Дж. Тернер, **А.В. Тетенькин**, Ф.И. Хензыхенова // Известия Лаборатории древних технологий. – 2004. – Вып. 2. – С.49–86. (2 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
48. **Teten'kin, A.V.** New Paleolithic sites in Baikal-Patom mountains, Siberia / A.V. Teten'kin // Current Research of Pleistocene. – 2005. – № 22. – P. 16–17. (0,2 п.л.; авт. вкл. – 0,2 п.л.)
49. **Тетенькин, А.В.** Новые палеолитические местонахождения в Байкало-Патомском нагорье / А.В. Тетенькин // Известия Лаборатории древних технологий. – 2005. – Вып. 3. – С.244–245. (0,3 п.л.; авт. вкл. – 0,3 п.л.)
50. Инешин, Е.М. Планиграфический анализ культурных горизонтов многослойного местонахождения Большой Якорь 1 на Нижнем Витиме / Е.М. Инешин, А.М. Клементьев, **А.В. Тетенькин** // Известия Лаборатории древних технологий. – 2005. – Вып. 3. – С.74–108. (2 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
51. Инешин, Е.М. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме / Е.М. Инешин, **А.В. Тетенькин** // Социогенез в Северной Азии: Сборник научных трудов / Под ред. А.В.Харинского. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Ч.1. – С.96–104. (0,8 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
52. Инешин, Е.М. Каменный и костяной инвентарь культурных горизонтов археологического местонахождения Большой Якорь I: сюжеты морфологической и функциональной характеристики / Е.М. Инешин, **А.В. Тетенькин** // Известия

- Лаборатории древних технологий. – 2006. – Вып. 4. – С.120–158. (2 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
53. Алексеев, А.Н. Витимский нефрит в археологии Восточной Сибири / А.Н. Алексеев, В.М. Ветров, В.М. Дьяконов, А.П. Секерин, **А.В. Тетенькин** // Известия Лаборатории древних технологий. – 2006. – Вып. 4. – С.74–79. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
54. **Тетенькин, А.В.** Итоги и перспективы исследования комплекса археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме / А.В. Тетенькин // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования: Сб. науч. Трудов / Под ред А.В.Харинского. – Иркутск, Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. – С.89–93. (1 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
55. **Тетенькин, А.В.** Развитие археологии Нижнего Витима в контексте исследований группы местонахождений Коврижка I-IV / А.В. Тетенькин // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918-1937 гг. – Иркутск: Изд-во «Амтера», 2009б. – С.322–332. (1 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
56. **Тетенькин, А.В.** Материалы исследований ансамбля археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме (1995-2009 гг.) / А.В. Тетенькин // Известия Лаборатории древних технологий. – 2010. – Вып.8. – С. 64–134. (3 п.л.; авт. вкл. – 3 п.л.)
57. Инешин, Е.М. Проблема определения археологических связей в бассейне р.Витим (Витимское плоскогорье, Байкало-Патомское нагорье) / Е.М. Инешин, **А.В. Тетенькин** // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3-7 мая, 2011 г.) / под общ. Ред. А.В. Харинского. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. – Вып.2. – С.96–104. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
58. **Тетенькин, А.В.** Проблема определения археологической специфики Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена – первой половине голоцена / А.В. Тетенькин // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т.I. – СПб-М-Великий Новгород, 2011. – С.94–95. (0,4 п.л.; авт. вкл. – 0,4 п.л.)
59. Ineshin, E.M., Late Paleolithic and Mesolithic technological variability in the Lower Vitim Valley, Eastern Siberia / E.M. Ineshin, **A.V. Teten'kin** // From the Yenisei to the Yukon. – College Station: Texas A&M University Press, 2011. – P.58–74. (2 п.л.; авт. вкл. – 1,5 п.л.)
60. **Тетенькин, А.В.** Новый археологический комплекс эпохи финального палеолита севера Байкальской Сибири (предварительные результаты исследования 3-го культурного горизонта Коврижки III на Витиме / А.В. Тетенькин, Е.М. Инешин, Н.А. Егорова // Известия Лаборатории древних технологий. – 2012. – Вып.9. – С.165–176. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,8 п.л.)

61. **Тетенькин, А.В.** Исследования местонахождения Коврижка III на Нижнем Витиме в 2012 году / А.В. Тетенькин // Феномен геoarхеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня открытия Б.Э.Петри Улан-Хады. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – С.219-225. (1 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
62. **Тетенькин, А.В.** Проблема культурной вариабельности ансамблей финала плейстоцена – раннего голоцена Нижнего Витима (Байкало-Патомское нагорье) / А.В. Тетенькин // Мультидисциплинарные исследования в археологии. – 2014. – С. 150–158. (0,7 п.л.; авт. вкл. – 0,7 п.л.)
63. Задонин, О.В. Геoarхеологические местонахождения палеолита и мезолита севера верхней Лены Балышово III и Любавская I / О.В. Задонин, С.Н. Хомик, М.П. Аксенов, Пержаков С.Н., **А.В. Тетенькин** // Известия Лаборатории древних технологий. – 2014. – № 1(10). – С. 9–38. (2 п.л.; авт. вкл. – 0,8 п.л.)
64. Анри, О. Анализ образцов древесного угля с местонахождения Коврижка III на Витиме (Байкало-Патомское нагорье, Иркутская область) / О. Анри, **А.В. Тетенькин** // Известия Лаборатории древних технологий. – 2014. – № 1(10). – С. 9–38. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
65. **Тетенькин, А.В.** Стоянка Коврижка III в археологии Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья / А.В. Тетенькин // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I. – Казань: Отечество, 2014. – С.163–168. (0,6 п.л.; авт. вкл. – 0,6 п.л.)
66. **Тетенькин, А.В.** Ситуация культурной вариабельности в палеолите Аляски. Витимский взгляд / А.В. Тетенькин // Известия Лаборатории древних технологий. – 2014. – № 3(12). – С. 10–20. (1 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
67. **Тетенькин, А.В.** Предварительное сообщение о раскопках жилого комплекса 6-го культурного горизонта стоянки Коврижка IV на Нижнем Витиме / А.В. Тетенькин // Евразия в Кайнозойе. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – Вып. 3. – С. 159–165. (0,8 п.л.; авт. вкл. – 0,8 п.л.)
68. **Тетенькин, А.В.** Геoarхеологическое местонахождение эпохи позднего палеолита Мамакан VI на Витиме / А.В. Тетенькин // Известия Лаборатории древних технологий. – 2014. № 4(12). – С. 9–26. (1 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
69. **Тетенькин, А.В.** На пути к теории культурной трансляции / А.В. Тетенькин // Известия Лаборатории древних технологий. – 2015. № 2(15). – С. 9–61. (3 п.л.; авт. вкл. – 3 п.л.)

70. **Тетенькин, А.В.** Культура каменного производства населения Нижнего Витима в конце плейстоцена – раннем голоцене / А.В. Тетенькин // Методы изучения каменных артефактов. Материалы международной конференции (г. Санкт-Петербург, 16-18 ноября 2015 г.). – СПб: ИИМК РАН, 2015. – С. 123–127. (0,6 п.л.; авт. вкл. – 0,6 п.л.)
71. **Тетенькин, А.В.** Итоги перспективы исследования стоянки Коврижка IV на Нижнем Витиме / А.В. Тетенькин // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: Материалы междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 7-8 апреля 2015 г./ отв. Ред. Б.В. Базаров. – Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2015. – С. 97–101. (1 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
72. **Тетенькин, А.В.** Микропластинчатое расщепление в ансамбле археологических местонахождений Коврижек I-IV на Нижнем Витиме / А.В. Тетенькин // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Вып. 2. Городища и поселения. – 2015. – С. 155–186. (1 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
73. **Тетенькин, А.В.** Результаты исследований многослойного геоархеологического местонахождения Коврижка IV на Нижнем Витиме в 2014–2015 гг. / А.В. Тетенькин // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. П.В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – С. 94–98. (0,6 п.л.; авт. вкл. – 0,6 п.л.)
74. **Тетенькин, А.В.** Археологические местонахождения Горячая 1–4 на северном Байкале / А.В. Тетенькин, А.В. Харинский // Известия лаборатории древних технологий. – 2016. – №1(18). – С. 9–18. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.)
75. **Тетенькин, А.В.** Исследования нового палеолитического комплекса культурного горизонта 2Б стоянки Коврижка IV на Витиме в 2015-2016 гг. (предварительное сообщение) / А.В. Тетенькин, О. Анри, Дж. Жакье, А.В. Клементьев, А.А. Уланов // Известия лаборатории древних технологий. – 2016. – №4(21). – С. 9–18. (1 п.л.; авт. вкл. – 0,7 п.л.)
76. **Тетенькин, А.В.** Проблема поиска и изучения феноменов культурной трансляции в эпоху каменного века между населением нижнего Витима и Забайкалья / А.В. Тетенькин // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии материалы II международной научной конференции, посвященной 80-летию д.и.н., проф. П.Б. Коновалова. – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. 2017. – С. 71–73. (0,3 п.л.; авт. вкл. – 0,3 п.л.)
77. **Тетенькин А.В.** Комплекс 2-3 культурных горизонтов стоянки Коврижка IV на Нижнем Витиме / А.В. Тетенькин // Известия лаборатории древних технологий. – 2017. – Т. 13. №1. С. 9–30. (1 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)

78. **Тетенькин, А.В.** Поздний палеолит Витима в материалах многослойного местонахождения Коврижка-IV (Байкало-Патомское нагорье, Восточная Сибирь) / А.В. Тетенькин // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе [Текст]: сборник научных статей : в 3 т. / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017б. – Т. I. – С. 101–105. (0,7 п.л.; авт. вкл. – 0,7 п.л.)
79. **Тетенькин, А.В.** Донеолитические археологические компоненты в памятниках с компрессионным слоем северо-западного побережья Байкала / А.В. Тетенькин, Д.Е. Уланов // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы IX междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 10–14 сентября 2018 г.) В 2-х т. Т. 1 / отв. ред. Акад. РАН Б.В. Базаров, чл.-кор. РАН Н.Н. Крадин. – Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2018. – С. 58–62. (1 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)
80. **Тетенькин, А.В.** Планиграфический анализ очажного комплекса 2Б культурного горизонта Коврижки IV: реконструкция деятельности ситуации / А.В. Тетенькин // Мультидисциплинарные исследования в археологии. – 2019. – №2. – С. 26–51. (2 п.л.; авт. вкл. – 2 п.л.)
81. **Тетенькин, А.В.** Что стоит за типами? / А.В. Тетенькин // Лев Клейн [Путеводитель]: Сборник статей памяти Льва Самуиловича Клейна / отв. ред. Е.И. Матяш, М.Т. Кашуба. – Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН, 2020. – С. 129–144. (2 п.л.; авт. вкл. – 2 п.л.)
82. Поплевко, Г.Н. Хозяйственный комплекс стоянки Павлово 1 в Иркутской области / Г.Н. Поплевко, А.А. Уланов, **А.В. Тетенькин** // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной конференции, посвященной 80-летию старшего научного сотрудника ИИМК РАН, кандидата химических наук Ганны Ивановны Зайцевой. Под редакцией Н.Д. Буровой, А.А. Выборнова, М.А. Кульковой. – Санкт-Петербург: Изд-во ИИМК РАН, 2020. – С. 70–71. (0,3 п.л.; авт. вкл. – 0,1 п.л.)
83. **Тетенькин, А.В.** Исследования стоянки 2Г культурного горизонта Коврижки IV на р. Витим (Байкало-Патомское нагорье) / А.В. Тетенькин, С.Г. Аржанников, А.В. Аржанникова, Е.И. Демонтерова, Г.Н. Поплевко, И.И. Разгильдеева, Н.В. Сальная, А. Анри // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. – Самара : СГСПУ, 2020. – Т. I. – С. 91–93. (0,4 п.л.; авт. вкл. – 0,3 п.л.)
84. **Тетенькин, А.В.** К истории исследования позднего палеолита и мезолита Северного Прибайкалья / А.В. Тетенькин // Археология Северной и Центральной Азии: новые

открытия и результаты междисциплинарных исследований [Текст] : сборник статей, посвященный 75-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. – С. 112–118. (1 п.л.; авт. вкл. – 1 п.л.)